

18+

Не Верю

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Экзистенциально-психологический триллер
(роман?... Драма?... трагедия?)
Трагедия о необходимости Другого,
даже если ваша обая реальность - Ад.— твоя собственная погибель.Или трактат о том КАК работают
законы психологической физики.Предупреждения от Автора:
«Вход в эту Реальность требует крепких нервов
и решимости. Она полна зеркал, в которых ты
увидишь то, что не готов увидеть.»

21+

М. Майер

М. Майер

Не верю

<https://litres.ru/73870973>

ISBN 9785006971851

Аннотация

Экзистенциально-психологический триллер. Трагедия о необходимости Другого, даже если этот Другой — твоя собственная гибель. Даже если ваша общая реальность — Ад. Или трактат о том КАК работают законы психологической физики. Предупреждение от Автора: «Вход в эту Реальность требует крепких нервов и решимости. Она полна зеркал, в которых ты увидишь то, что не готов увидеть.»

Содержание

«СПОЙЛЕР»	5
1. Pre-Production. Столкновение реальностей	17
2. Pre-Production. Страх	42
3. Pre-Production. Власть	85
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Не верю

М. Майер

© М. Майер, 2026

ISBN 978-5-0069-7185-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«СПОЙЛЕР»

«Денис схватил Оксану за предплечье и буквально потащил её из зала, где проходила вечеринка. Подальше от всех. Она дико испугалась его агрессии, его ярости. Но не сопротивлялась, идя вперед.

— Хочешь увидеть монстра?! Настоящего монстра? Я тебе сейчас его покажу! Во всей красе! — мужчина глухо рычал.

Грубо, почти толкая, он запихнул её в открытую дверь туалета. И вошел сам. Девушка чуть не споткнулась. Он схватил Оксану за плечи, встав сзади и тряхнул. Актриса в страхе смотрела на его перекошенное от ярости лицо.

— Монстр говоришь? Смотри внимательнее! — он буквально встряхивал ее, заставляя смотреть в зеркало. — Нет! Не на меня смотри! НА СЕБЯ!

— Ты не имеешь права так со мной говорить! Я тебя защищала, а ты?!

Она злилась, но отвела взгляд от него и посмотрела на себя.

— Смотри внимательнее! Это ты монстр. ТЫ САМА стала монстром. Ты винишь ее? Считаешь, что она монстр? Тиран? Садист?!

Говоря агрессивно, выплескивая накопившуюся ярость, следя за Оксаной, Денис заставлял снова и снова смотреть на

себя. Он намеренно был груб, чтобы показать всю важность его слов. Мужчина не был зол на девушку на самом деле, но весь его опыт, все знания, накопленные почти за тридцать лет съемок — требовали от него донести до нее жестокую реальность в которой нет правых и виноватых.

— Перестань! Она монстр! Я всем своим подписчикам расскажу, какая она тварь! — слова девушки прозвучали злобно.

Денис даже замер на мгновение. Оксана с ненавистью смотрела на него. Он вглядывался в глаза девушки, осознавая, насколько всё изменилось. Еще лет десять назад это могло быть приговором, окончанием карьеры для режиссера. А сейчас — крутой рекламой.

— Что ты сделаешь?! Seriously? Ты думаешь... навредишь ей этим? Тем, что дашь ей... как там его... чёртов хайп?! Господи! Не будь как одна из этих... Петард!

Оксана смотрела в зеркало на Дениса, понимая, что он прав на счет хайпа. Девушка лишь даст режиссеру шикарную рекламу.

— Ты... делаешь мне... больно!

— Смотри на себя! Ты же была милой и чудесной девочкой, но превратилась в злобное и подлое создание! Ты сама стала монстром! И если ты сейчас это не переосмыслишь, так и останешься озлобленной и жалкой!

— Если она режиссер — это не дает ей права... Она изуродовала тебя! Превратила в такого же садиста, как и она!

— Ты думаешь она такой родилась? Никто не рождается монстром! Ее сделали такой. Тоже кто-то сделал... Причем более жестоко и извращенно. Гораздо более жестоко. Но всё, что она тебе показала, еще на кастинге — это было проверкой! Я искренне думал, что ты справилась.

— Я справилась!

— Нет. Сейчас ты хотела ее унижить из-за своих эмоций. Из-за зависти, ненависти, подлости. Она должна была сделать то, что сделала. И на кастинге, и сейчас. Не потому, что хотела... а потому что должна. Я не смог тебе объяснить... Она ПОКАЗАЛА. Пыталась закалить тебя. Подготовить! Как же тебе объяснить то...

Денис быстро развернул девушку к себе, пытаясь смотреть ей прямо в глаза, пытаясь рассмотреть что-то внутри нее. Его голос звучал спокойнее, но с какой-то безысходностью.

— Как только она отдала тебе команду раздеться на кастинге, она тут же послала помощника за халатом. Понимаешь? Это не было попыткой унижить тебя. Это была проверка тебя. И меня... Меня даже в больше мере, чем тебя. Ты должна была преодолеть это, чтобы не сорвать съемки потом. Не сорвать проект. Чтобы не лишить людей работы! Ты ведь должна знать, за какое количество людей она несла ответственность. Она не имела права взять тебя, не проверив на прочность! А твои слова сегодня — это злоба и зависть. Мелочная, ничтожная зависть. И ты либо утонешь в этом,

либо преодолеешь.

— Она... правда отправила за халатом?

— Да. Или ты думаешь на студии в каждом кабинете висят халаты?

— Я не знала... — медленно девушка пыталась осмыслить.

— Оксан... Я просил тебя: отступи. Откажись от роли. От этого проекта. Прежде чем объявлять режиссера садистом и тираном, убедись, что ты не являешься слабаком, не способным выдержать цену входа в истинное творчество! Прости, я не мог пояснить в самом начале. Это цена, которую ты платишь за участие в подобном проекте. Ты платишь своей душой. И это — единственная валюта, которую признают настоящие шедевры. Иногда это маленькая частичка, а иногда вся без остатка. Боль, страхи, трудности — это ЦЕНА хорошо сыгранной роли. Это чертово топливо любого проекта. Тем более в таком психологическом триллере!

— Так не должно быть! Это... ведь... актер... человек!

Девушка пыталась возражать, что-то сформулировать, но не могла. Слова Дениса выжигали в зародыше любые аргументы.

— Слушай... Время идет, но ничего не меняется. НИЧЕГО. Мир не изменился. Он стал просто... технологичнее. Методы, приемы... всё подчинено холодной, бесстрастной, безжалостной функциональности. Хичкок семьдесят лет назад снимал высокобюджетные, топовые, рейтинговые блок-

бастеры... но это были дешёвые пустышки. Они приносили миллионы, но спустя семьдесят лет о них никто не помнит. Ты вот... хоть об одном его блокбастере знаешь?

— Нет...

— Именно. Только его «Психо»... Низкобюджетный, никому не нужный проект, от которого отказались ВСЕ студии, не просто сделал кассу. Он остался в Истории. А актриса, над которой он издевался на протяжении всех съемок? И убил её персонажа в середине фильма... Она стала Иконой. Не все те распиаренные девицы, а она. Та, которая едва пережила сцену обнаженки в душе. Да, ты можешь сказать — это жесть как тяжело. И будешь права. Но представь... просто представь — хоть один фильм из сегодняшнего проката вспомнят через семьдесят лет?

— Она не Бог! И тем более не Хичкок! Она сделала тебя... Ты стал загнанным, жестоким, озлобленным и... одиноким! — она произнесла это яростно, грубо, но вдруг спросила тише. — Какую цену заплатил ты?

Этот прозвучало так больно, что он даже отпустил Оксану и чуть отступил назад.

— Ты даже представить не можешь КАКУЮ... Но ЕЁ фильм — войдет в историю. Уже вошел.

Его слова звучали тихо, но в них была настолько сильная уверенность, что это пугало. Он говорил, глядя на нее. Как было объяснить, ЧЕМ он... чем они оба пожертвовали?! Насколько всё это было слишком! Но он продолжил.

— Пойми. Это... не абстрактная цена. Не иллюзорная душа... иногда — это настолько осязаемое. Личное. Твоя личная жизнь. Твои воспоминания — всё это идет в топку. Это попадает в пресс многотонных жерновов, и ты не просто стоишь и смотришь — ты ощущаешь на себе это пресс. Твое Я, твою личность неотвратно ломает, дробит, крушит это пресс, перемалывая тебя, твою плоть, твои кости... Ты просто материал. И ты ощущаешь, как ты превращаешься в пыль. Это цена.

Оксана рассматривала его и вдруг шагнула к нему. Она попыталась протянуть руку и коснуться его татуировки, которую скрывала одежда.

— Ты об этом?

Но Денис быстро перехватил ее руку, схватив за запястье, не давая ей прикоснуться. словно Оксана попыталась дотронуться до раны, которая никак не заживала, безумно кровоточила и дико болела.

— Не надо... — его голос стал совсем тихий и даже жуткий.

— Она бросила тебя. Снова. А я...

Он прекрасно видел, что она пытается сделать. Сблизиться. Перевести всё в отношения. Но он просто не мог. Не имел права. Единственное, чего он сейчас хотел — поскорее вернуться к своему Режиссеру.

— Я здесь. Она использовала тебя и выбросила. Выжала из тебя всё и...

— Не смей. Если ты не понимаешь — лучше молчи.

Он злился. Но пытался сдержаться. Как было объяснить этой девочке, что... он САМ все испортил. Что его трусость, страх — заставили его еще в самом начале испортить ВСЁ. Что Саше настолько плохо... и единственное, что она сейчас может делать — бежать. Как можно дальше. Как можно быстрее.

— Я не маленькая и не глупая! Я всё понимаю!

— Серьезно? — он даже вдруг улыбнулся, усмехнувшись такой детской наивности. — Понимаешь? Так же, как понимала это сейчас в зале, когда подло говорила пакости у режиссера за спиной? Оксан... Ты чудесная девочка. Ты отлично отыграла. Ты сможешь найти себя в каком-то другом направлении. Пока еще можешь. Саша... нет. Уже нет.

Постаравшись убрать её руку, он как можно непринужденнее отпустил. Но Оксана четко осознала — он не подпустит её к себе.

Денис так ярко это ощутил... только своему режиссеру он мог позволить теперь прикоснуться к его тату на груди. Даже Оксана, на съемках фильма — лишь была воплощением Саши. Той, которая действительно имела право к нему прикоснуться. Той единственной, которой ОН дал это право. И... свято оберегал.

— Ты оправдываешь ее?

— Я говорю о том, что каждый платит цену. Свою Цену. Чтобы создать что-то уникальное, неповторимое, выстра-

данное — мы платим. И ты должна это понять. Чтобы трезво оценивать, сможешь ты это или нет. Если нет, тебя с радостью будут снимать в мелодрамах. В чем-то легком... И поверхностном. Но если ты хочешь высокого и даже «вечного» — это будет стоить всей твоей души. Твоего Я. Но, расплачиваясь, тебе надо научиться восстанавливаться. Не превращаясь в завистливую, бездушную стерву, какой ты сегодня себя показала. Это дорога на самое дно. Ты понимаешь?

Он видел, как девушка внимательно слушает. И то, что она хотя бы слушала — уже было достижением. Он не знал, что еще сказать. Не знал, как донести.

Оксана едва кивнула.

— Ты должна запомнить. На любом твоём кастинге — не только режиссер выбирает тебя, но и **ТЫ ВЫБИРАЕШЬ**. Ты выбираешь хочешь ли ты работать с ним или нет.

— Тебе легко говорить! Ты Звезда! Ты состоялся! Ты можешь выбирать!

— Нет. Это не так работает. Я тоже не всегда могу выбирать — это раз. Мой статус «звезды» не отменяет правил индустрии, а лишь меняет их конфигурацию А во-вторых... Почему люди всегда об этом забывают? Или не хотят помнить? — он покачал непонимающе головой и продолжил. — Неважно кто ты, звезда или статист. Ты выбираешь, будешь ты сниматься в этом проекте или нет. Ты. Да, тебе нужно говорить им: «как я хочу в ваш проект», «это единственное — о чем я мечтаю», «я готова отдать за это жизнь». Но это

слова, маска, роль для них.

— Значит, врать тем с кем хочу работать?

— Ты сама поняла, что сказала? — Денис улыбнулся. — «Врать, что хочу работать с теми, с кем хочу работать»? Малышка... Нет. Ты не врешь. Ты даешь им правду. Иногда даже честную искренность, но ты продолжаешь оценивать условия сделки. Играй по правилам игры, но никогда не забывай, что это — игра. Игра, цена ошибки в которой — твоя душа. Ты должна реально оценивать — хочешь ли ты, сможешь ли ты работать с этой командой, с этим режиссером. И делать осознанный выбор. Оценивая всё. Отношение к тебе, поведение... Вопрос не в том, есть ли цена. Вопрос в том — осознаёшь ли ты сделку, которую заключаешь? А дальше — либо принимай это, либо начинай искать, как изменить условия сделки. Либо... отказывайся.

— Ты так говоришь, словно это так просто!

— Нет. Не просто. И я понятия не имею КАК ты будешь поступать и ЧТО решать. Это лишь... Так это работает. Во всём. Но ты должна осознавать, что ты делаешь и зачем. На самом деле любая работа потребует от тебя жертв. Даже милая мелодрама с почти невинной любовной сценой на сеновале. Твою нежную кожу будет колоть гребаное сено словно тысячи гвоздей, под тобой будут бегать крысы и мыши, в волосах вечно будут насекомые. Но тебе придется изображать... точнее игнорировать всё это. Тебе придется уничтожить в своем сознании весь этот внешний шум, чтобы

остаться в реальности сценария. В реальности режиссера. В этот момент это будет единственно реальным для тебя. Если конечно... ты на самом деле профессионал. Иногда единственный способ не быть раздавленной — это видеть условия реальной сделки. Не то, что в контракте. Не то что на бумаге. А то, что между строк. Забудь про «добро» и «зло» — эти понятия давно устарели. Есть функциональность, эффективность...

— И Цена? — мрачный, тихий, но твердый голос Оксаны прервал Дениса. Она тоскливо смотрела на мужчину. — Но... это же... Жесть!

— Именно. Бездушная. Жуткая. Невообразимая жесть. Это отлаженная, чистая, неприкрытая архитектура Власти, скрытая за вековой риторикой о «Творчестве». Это бизнес, давным-давно просто прикрытый затертой до дыр мантией Творчества. И эта мантия вся покрыта слезами... потом, кровью... рвотой... Черт! Да, блин, всеми человеческими жидкостями! Она жутко смердит. Но все упорно делают вид, что это красивая, роскошная, шикарная ткань Сотворения.

— Смердящая Мантия Творчества?

Оксана в шоке смотрела на Дениса, осознавая неприкрытую правду. Голую, бесцеремонную. Шокирующую. Слова Дениса отрезвляли настолько беспощадно, словно он окунул девушку в ледяную ванну.

— Именно. Мы ВСЕ... от статиста, до режиссера — расходный материал. Просто у кого-то срок годности дольше,

упаковка краше. Но суть... Суть одна. Тебя используют, пока ты полезен. Но зная это, ты можешь сама использовать эту систему. Не быть слепым винтиком, а осознано принимать решения. Знать Цену. И платить, если готова.

— Это... Господи... — ее слова звучали тихо, ошеломленно. — Это словно... ты говоришь о сделке с дьяволом.

Денис смотрел на девушку с осознанием насколько его слова безжалостны, но именно это позволит ей не сломаться. Точнее — отсутствие иллюзий даст ей сил выстоять и сохранить себя в этом бизнесе.

— Нет. Это хуже. Это сделка с бездушной системой по имени Бизнес. И ты уже стала его частью... Уже поздно... Будь сильной. Ты уже выдержала съемки. Осталось... Слушай. Видя реальность, грубую, циничную, неприкрытую... то, как на самом деле работают механизмы — ты сможешь ими управлять. Тебя уже будет не сломать. И то, что ты еще не знаешь... Когда я сейчас был на интервью с ней... она хвалила тебя. Назвала «Звездой». Сказала, тебя ждет потрясающая карьера. Она не хвалила никого, кроме тебя. А ты сама, своими словами всё испортила. Эта чёртова система уже работала на тебя. А ты... своими руками. Своими словами... Точно так же, как я сам... не видя, не понимая всего...

Оксана смотрела на Дениса, наконец осознавая весь масштаб катастрофичности своих слов, сказанных режиссёру. Она попыталась всхлипнуть.

Он быстро шагнул к ней и по-отечески обнял, крепко при-

жав к себе.

— Не смей жалеть себя. Не смей! Ты сильная девочка! Я это знаю! Ты справишься! Поняла? Посмотри на меня.

И он чуть отодвинул ее от себя, посмотрев ей в глаза.

— Сейчас ты едешь домой. Не оставайся. Просто езжай домой. У тебя впереди крутое будущее. Ты можешь преодолеть это, став сильнее. Не будет снимать она — ты найдешь своего режиссера, свой проект! Ты докажешь и себе, и ей, что ты чего-то стоишь. Что та цена, которую ты уже заплатила на этом проекте не была пустышкой! Это не конец. Это начало. Чего-то лучшего для тебя. Поняла?

Оксана снова едва кивнула.

— Мне надо идти. Напиши мне, как будешь дома. Ок?

— Ок.

Денис оставил девушку одну и быстро вышел. Он не мог оставаться. Он должен был вернуться к Саше...

Он вошел обратно в зал и увидел стоящего рядом Петра. Саша всё ещё говорила свою речь, полностью сконцентрировав на себе всеобщее внимание.

Тихонько подойдя к помощнику, не отвлекая внимание остальных от речи режиссера, он попросил вызвать такси Оксане и проконтролировать, чтобы она уехала домой. Петр тут же вышел в боковой коридор к туалету.»

1. Pre-Production.

Столкновение реальностей

Всё утро Дениса прошло в какой-то утомительной суматохе, отдававшей циничной пустотой. Непредвиденное интервью для крупного портала вытянуло из него последние силы ещё до полудня. Он отвечал на одни и те же вопросы, от которых пересыхало горло, а в голове стоял навязчивый гул. Его собственный голос, ровный и профессиональный, звучал как запись, которую он ненавидел за её идеальную пустоту. Он улыбался в паузах, смотрел чуть выше объектива камеры на заветную точку и чувствовал, как софит печёт кожу, выжимая под макияжем тонкую плёнку пота.

Всё это было частью ритуала — отлаженного, бесполезного, необходимого. Потом — студийная фотосъёмка. Быстрая смена фонов: «строгий», «расслабленный», «задумчивый». Он уже не различал, где команда фотографа, а где — одобрительное «хм» стилиста. Всё слилось в один ровный гул, поверх которого царили только щелчки затвора — механический счётчик его профессионального существования. Денис двигался на автомате, ощущая, как пиджак слегка жмёт, ворот рубашки врезается в шею, а пудра на лице вызывает лёгкий, раздражающий зуд.

Внутри копилась усталость — не физическая, а какая-то

молекулярная, от бесконечного воспроизводства одного и того же образа. У него вдруг мелькнула чудовищная параллель: он был как интернет-котик, которого бесконечно фотографируют в одних и тех же позах для восторженных подписчиков. «Милый», «задумчивый», «игривый», «строгий» — лишь набор масок для всеобщего умиления.

Разница была лишь в том, что его «хозяевами» были крупные компании и мировые бренды. И эта мысль, унижительная в своей простоте, вызывала не злость, а ледяное, тошнотворное чувство собственной функциональности. Денис с отрешенной ясностью понимал устройство этого зверинца. Он был дорогим, ухоженным, востребованным питомцем системы, чьей единственной задачей было выглядеть нужным образом, не царапать мебель и не ссать в тапки. Сколько ещё кадров одного и того же ручного зверька нужно миру?

Он торопился освободиться, сверяясь с часами с холодной точностью: пятнадцать минут на дорогу, если повезёт со светофорами.

Ему нужно было успеть на встречу по поводу нового проекта. Только эта мысль пульсировала, заставляя сердце биться чаще. Это было странно, но он волновался. Он — Денис Никитин — волновался! Известный, успешный, состоявшийся, узнаваемый актер — волновался перед встречей с неизвестной молодой девушкой-сценаристом.

Мужчина снова и снова прокручивал в голове ЕЁ сценарий. Полный непередаваемой боли, неожиданных, но вы-

страданных поворотов и тотального психологического давления. С первых же страниц прослеживалась очевидная неизбежность. История ощущалась как расставленные на шахматной доске фигуры, которые вели к мату в девяти ходах. Игнорировать было невозможно — только принять вызов или сдаться. С первых же страниц он понял, что ему нужен был именно этот проект, эта история, этот сценарий.

Играть злодеев в Голливудских блокбастерах — для него было вызовом, а не клеймом или клише. Главное — это были масштабные, выверенные проекты. Топовые фильмы. Легендарные режиссеры. А на родине — он был номером один. Его агент давно отсеивал всё, что ниже определенного бюджета и статуса режиссера. Проекты должны были работать на его позицию, а не он на них. Но где бы он ни снимался, он лишь пополнял копилку своих ролей.

Денис не искал этот сценарий. Их было слишком много. Но по просьбе друга начал читать первые пару страниц. И даже не понял, как дочитал до конца. Единственное, что он четко осознал — это ОНО: он должен в этом участвовать! Это был не просто сценарий. Это был чертеж роли, после которой можно было либо сгореть, либо войти в историю. И то, и другое пугало и манило одновременно. Но свой «испуг» — он прятал даже от самого себя. Сухое описание действий и многослойные, зеркальные диалоги — всё это пульсировало у него в висках. Сценарий был прописан настолько плотно, что даже неодушевленные предметы в нем — становились

полноценными персонажами.

На него впервые накатила необъяснимая одержимость и любопытство. Его волнение — не трепет, а адреналин от вызова, от шахматной партии, в которую он решил ввязаться. Он с маниакальным упорством добивался встречи со сценаристом, которая долгое время категорично избегала личных встреч. Поэтому Денис торопился, уже опаздывая на встречу, которой так долго добивался.

Саша любовалась потрясающим видом, открывавшимся перед ней, стоя вплотную около огромного панорамного окна. Она была в офисе кинокомпании раньше назначенного времени. Значительно раньше, потому что ненавидела опаздывать.

Девушка уже выпила чашку кофе, которая теперь одиноко стояла на огромном столе для переговоров. Рядом лежала бумажная версия сценария. Сейчас Саша просто ждала. Включив мелодию на телефоне, она любовалась видом.

Безумно красивое небо, обрамленное облаками и ласковым солнцем, заставляло переливаться гладь Финского залива. Она все ещё не верила, что стояла здесь. В этом потрясающем городе. В этом крутом здании Лахта-центра. В этом конференц-зале одной из самых крупных киностудий страны.

Девушка стояла, любовалась невероятным видом и всё еще не могла поверить, что её безумные мечты воплощались в реальность.

Её юбка элегантно обтягивала бедра, закрывая колени. Строгий, приталенный пиджак также идеально сидел по фигуре, подчеркивая талию и бедра. Блузка на фоне сочного синего цвета казалась ослепительно белой. Ярко рыжие волосы были собраны в тугий пучок.

Из динамика телефона звучала песня. Девушка вслушивалась в мелодию, вслушивалась в слова. Она чувствовала, насколько точно сейчас эта песня отражает ее состояние. Саша прибавила громкость. Она даже посмотрела, кто ее исполняет. И композиция «Лучше, чем сейчас» DJ Antonio была благополучно добавлена в её плейлист.

Она не позволяла себе пританцовывать или двигаться в ритм. Однако мягкое звучание голоса исполнителя и красивая динамичная мелодия заставляли ее ощущать внутри что-то невероятно мощное и всепоглощающее.

Здание Лахта-центра было самым высоким в Европе. И Саша представила, что стоит не в офисе, а на горе. На открытом пространстве. На огромной высоте. Прямо так, в костюме и на каблуках. И перед ней расстилалась эта безграничная реальность. Берег, водная гладь. Она даже ощущала ветер, держа в руке телефон и слушая музыку.

И она ощущала так остро, так ярко — то, о чем пел исполнитель. Она так ясно чувствовала, что никогда не будет лучше, чем сейчас!

По двум её сценариям уже сняли два фильма. И в этот раз ей разрешили принять участие в съемках. В качестве креа-

тивного продюсера.

Она хотела и боялась этого. Всё могло полететь к черту. Реально оценивая свои предыдущие работы, она понимала: первый сценарий был хорош, но не идеален. Второй — почти идеален, но воплощение... не было плохим, но не передало всех оттенков главного смысла. Реализация её замысла банально скатилась во второстепенные идеи и просто стало «никаким».

Этот страх заставил её выдвинуть требование: либо она участвует в съемках хотя бы как продюсер, либо похоронит сценарий в памяти своего ноутбука.

Саша так четко и ясно осознавала эту возможность, этот шанс! И слова песни ярко передавали все ее чувства с первого до последнего слова:

Ощущая, что сейчас лучшее мгновение в её жизни.

Обещая себе, что не позволит никому разрушить это и отобрать у неё эти эмоции.

Уже находясь на этой высоте и среди бесконечности в её реальности.

Уже чувствуя эту легкость.

Осознавая, что ей будет больно. Она не хотела этого, но понимала, что люди будут причинять боль. В любом случае.

Точно зная, что она уже прошла точку невозврата. Что ответственность, обязательства и желание сделать этот фильм так, как она видит его — не позволят ей сбежать.

Она стояла здесь, в своей воображаемой реальности. На

горе. Перед расстилающейся водной гладью под ногами. Бескрайним небом прямо перед ней.

Девушка протянула руку, ощущая, что она не просто касается облаков — она управляет ими.

И Саша пообещала себе, что будет любить этот проект несмотря на то, что скоро все закончится. Уже чувствуя тоску, ностальгию и одиночество, которые накроют ее после того, как фильм выпустят в прокат. Но зная это — она не собиралась останавливаться...

Сейчас она просто стояла и наслаждалась моментом. Когда не нужны слова, когда есть только ощущения.

Ведь облекая свои идеи, мысли, истории, даже реальности и вселенные в слова, она как никто другой понимала — слова лишь плоское отражение истинного содержания. Она привычно создавала и визуализировала яркие образы в своей голове. Поэтому стоя сейчас в офисе — продолжала ощущать ветер, ласково касающийся ее щеки. В Её реальности она могла поднять руку и на небе появлялись безумно красивые облака или летела стая птиц. Здесь, сейчас, на высоте этой горы — был ее личный, безопасный мир, куда она могла сбежать от давления. Ей было комфортно и уютно в этом одиночестве и бескрайней свободе.

У нее не было волшебной палочки. Но была фантазия. А чтобы сохранить созданную реальность, она использовала слова, клавиатуру и память ноутбука. Ей привычно было «дописывать» и «дорисовывать» обыденную реальность, ко-

торуую видели остальные. Когда-то давно — она так пряталась. Сейчас это превратилось в привычку — создавать ее миры, ее вселенные, ее истории.

Но из этого состояния Сашу выдернул телефонный звонок.

Она ответила по громкой связи. Вслушиваясь в голос руководителя киностудии, который одобрил ее сценарий, она все еще пыталась остаться там — на вершине горы. И девушка неосознанно подняла руку и коснулась ладонью стекла перед собой. Словно пытаясь дотронуться до бесконечности за окном.

Денис торопился. Он даже толком не поздоровался с секретарем — просто кивнул и прошел к конференц-залу. Резко открывая стеклянные двери, где стояла ОНА, мужчина замер.

— Не. Верю. — ее слова прозвучали твердо, жестко, категорично. Как окончательный приговор. И тут же голос стал мягче, словно она старалась пояснить. — Я не верю его игре... он не сможет...

Денис стоял в дверях, не шевелясь, не веря своим ушам.

— Саш. Ты ж умница... — голос мужчины из динамика телефона прозвучал уверенно, но заботливо и даже нежно. Саша едва качала головой, демонстрируя отрицание. Она держала телефон перед собой в одной руке, вслушиваясь в слова собеседника.

— Ты сама понимаешь! То, что ты придумала, написала,

это только начало.

Она боялась повернуться и поэтому пристально всматривалась в божественный вид за окном. Ее пугала обстановка огромного конференц-зала. Огромная высота и бескрайнее небо казались нереальными, но безопасными. Сказочным миром, где она сейчас пыталась затеряться. А вот за спиной ее ждала реальность. Жестокая, грубая, циничная и беспощадная. В которой необходимо пробиваться, выживать и делать вид, что она очень-очень смелая и сильная.

Денис смотрел на нее, на ее строгий деловой костюм и не мог оторвать взгляд. Он всматривался, одновременно понимая, что начинает выходить из себя.

— Он не «тот самый»! — Саша ответила, попытавшись улыбнуться. — Я знаю, что не имею права голоса, но...

— Что за упрямая девчонка! — мужчина явно был раздрадован, однако он пытался найти нужные слова, чтобы убедить ее. И она прекрасно понимала, что стоит на тонкой грани. Саша едва сгорбилась от его слов, но молчала.

— Ничего не знаю! — босс не дал ей ничего сказать, решительно продолжив. — Ты не снимешь без него свой фильм. Бюджет уже одобрен и согласован, но при условии, что только если он будет номером один. ОН гарантия. Под него будут все деньги. Не под тебя. Ты либо начинаешь препродакшен с НИМ, либо мы всё сворачиваем, даже не начав!

— Но Юрий Викторович...

— Никаких «но»! Тебе радоваться надо! А ты жалуешь-

ся. Соберись. Делай что хочешь, но он должен участвовать! В конце концов, ты не только сценарист, но и продюсер! Ты должна понимать и необходимость участия «звезды» в проекте! — слова были требовательными, но интонации продолжали быть заботливыми. По-своему отеческими.

Денис внимательно вслушивался в разговор своего друга и девушки — сценариста. Даже сейчас она упрямылась. Но друг был прав, что дал прочитать ему сценарий... Денис пытался оценить девушку, стоявшую перед ним. Ее молодость контрастировала со строгим костюмом. Это был не приевшийся оверсайз, а выверенная строгость. Ее нежный, вежливый голос... Это был какой-то необъяснимый диссонанс. Неужели ЭТОТ сценарий написала она? Полный боли и жестокости?

Ее герои увязали в круговороте событий, которые снова и снова образовывали цикл разрушения, боли, безысходности и возрождения. Но чтобы снова началось разрушение. И финал, оставляющий ощущение не покоя, а заряженной паузы перед новой бурей. Финал, который не оставляет места для сомнений. Он не обещает хэппи-энд, не грозит трагедией. Вечный поединок, но... в этом поединке было — бессмертие.

А ведь она была лет на пятнадцать младше его. Если не на все двадцать. Он чувствовал ее неопытность. И в то же время какой-то странный перфекционизм.

— Хорошо. — Саша поняла, что бесполезно спорить и

настаивать. И ее голос стал холодным и отстраненным.

— Что именно хорошо?

— Он не должен потерять интерес. Он будет Номером Один, и я всё сделаю для этого.

— Твою мать! — слышно было, как мужчина пытается взять себя в руки. — Не создавай лишних проблем! У вас всё получится. Пообщайтесь. Я приеду как смогу.

Саша вдруг услышала или скорее даже почувствовала какое-то движение за спиной. Резко обернувшись, она увидела секретаря и... ЕГО. Девушка не поняла, как отключила звонок на телефоне.

— Александра Николаевна. — голос секретаря звучал уверенно, но напряженно.

Как же странно выглядели эти двое в дверях! Саша тут же это отметила. Точнее, ее личный тест — «знаки трех» или как она для себя называла #sign3Wall. Ее сознание тут же разделило всё на составляющие!

Секретарь:

#Глаза — пристальный взгляд, обращенный к мужчине.

Напряжение.

#Рот — сжатые плотно губы. Попытка не говорить лишнего.

#Руки — едва уловимо сжатые кулачки.

Все однозначно трактовалось, как напряжение и попытка молчать.

Мужчина:

#Глаза — взгляд на секретаря.

#Рот — едва уловимая улыбка.

#Руки — придерживали дверь.

И впервые в жизни ее сознание, ее разум не смог расшифровать эти невербальные послания.

Саша снова перевела взгляд на женщину в дверях. Все было так очевидно. Но мужчина был не просто как закрытая книга — как черная дыра. Его неприметная одежда. Его полуулыбка, его взгляд на секретаря — не говорили Саше НИЧЕГО.

Она годами оттачивала свой метод оценки. Ее #sign3Wall никогда в жизни не подводил ее. Взяв на вооружение и доработав для себя систему из бибисишного сериала «Шерлок» — эта мгновенная оценка стала ее личной суперспособностью.

Будучи подростком, она залипла на просмотре сериала — именно так «залипла». Пропала, утонула в этом безумном, интеллектуальном и невероятно захватывающем мире. Годами она, как и миллионы других — ждала выхода новых серий. Сериал буквально перевернул ее сознание. Она осознала, что её чертоги разума — это не сумасшествие и не безумие. Это её миры, вселенные, реальности, которые просто живут в её голове. Она лишь создает их, не путая с обыденностью.

Саша четко осознавала — она не Шерлок. Не умеет анализировать и видеть ВСЁ. Но она поняла, что может взять

хотя бы ключевые параметры. Глаза. Рот. Руки.

Это регулярно ее спасало. И сейчас — должно было срабатывать!

Однако насколько хорошо она «считала» секретаря — настолько же непонятным, чужим и странным выглядел ОН. Девушка перевела взгляд обратно с секретаря на мужчину. И снова в ее сознании мгновенно визуализировалось:

#Глаза —?!

#Рот —?!

#Руки —?!

Ее мозг тут же провел аналогию. Он был первым, кого она не считала. Первым, на кого смотрела и не видела. Из-за него произошел сбой системы, отлаженной годами! Он сломал в одно мгновение ее выверенный, точный, жесткий и отлаженный механизм оценки людей. Он одним своим присутствием сломал ее безопасный способ взаимодействия с окружающим миром.

The Man.

В ее сознании зазвенела тишина. Кончики пальцев, всё ещё сжимавшие телефон, онемели. Мир, только что существовавший по надежным критериям, развеялся. И в центре этого был ОН.

Всё это произошло за доли секунды, секретарь продолжала говорить. Мужчина продолжал смотреть на секретаря.

— Прошу прощения, что прерываю. Денис Васильевич к Вам на встречу.

— Да. Я поняла. Спасибо. — Саша попыталась улыбнуться. Это далось с огромным трудом.

— Может быть кофе? Или воды? — секретарь наконец посмотрела на Сашу и вежливо улыбнулась.

— Нет. Спасибо.

— Мне кофе, будьте так добры? — он произнес это негромко, небрежно. Он продолжал стоять в дверном проеме, придерживать дверь и смотреть на секретаря.

Волнение огромными волнами накрывало Сашу. Она молча смотрела перед собой и словно ничего не видела. На нее давил этот огромный зал для переговоров. Давила эта минималистичная, но явно не дешёвая обстановка. Давило ЕГО присутствие. Дениса, мать-его, Никитина. Известного, состоявшегося актера, который непонятно почему прицепился к её сценарию. Как клещ.

Саша категорично не воспринимала его как своего главного героя. Это был не он. Точно, однозначно, определенно не он. И одновременно она безумно хотела, чтобы это был именно он. Она воспринимала Дениса как звезду. Как Бога на Олимпе. И боялась это показать. Это было сильнее её.

Буквально за одно мгновение её сила, уверенность, которые она ощущала, глядя на пейзаж за окном, словно остались там — за толстым, непробиваемым, наглухо закрытым панорамным окном этого высотного здания. И девушка осталась один на один с этой реальностью. И системой, которая дала сбой.

Этот дурацкий страх, неуверенность в себе заставляли поступать нелогично и даже глупо. Но она не могла заставить себя трезво проанализировать саму себя.

Секретарь быстро вышла и Денис закрыл дверь, переводя взгляд на девушку. Наконец-то он оказался с ней в одном помещении! И наедине. Медленно сделав пару шагов вперед, он сел у края стола, внимательно рассматривая ее.

Мужчина сел у края стола, нарочито небрежно развалившись. Это была не просто поза — это был контроль. Отсюда он перекрывал прямую траекторию к двери, преграждая ей выход из конференц-зала. Мышцы спины напряглись, готовые в доли секунды вытолкнуть тело вперед, если она направится к выходу. В таких переговорах важно первым определить границы клетки.

Ему стало очевидно, почему он никогда не встречался с ней. Даже встретив ее — он бы не понял, что она — сценарист. Он ожидал увидеть классическую картину. Замкнутую, слегка растрёпанную и небрежно одетую девушку — сценариста. А наткнулся на хаос диссонансов.

Он снова и снова осматривал каждую деталь.

Ему стало откровенно не по себе. Обычно ему было плевать как он выглядит. Во что одет. Но сейчас он ощутил себя инородным телом в этом пространстве гладкого стекла и дорогого дерева. Старая толстовка вдруг показалась ему не просто поношенной, а вызывающе-грубой, словно бросающей вызов всей этой стерильной дороговизне. Он почувство-

вал, как под тканью по спине пробежала противная липкая полоса пота — реакция на нарушение неписаного правила: «звезда» должна выглядеть безупречно всегда, даже в джинсах.

Какое-то мгновение он молчал, не понимая, что сказать. И это тоже было впервые. Его навыки коммуникации выручали его из безумных ситуаций. Но сейчас Денис был в растерянности.

— Александра... что ж, рад встрече. — он медленно произносил, словно смакуя ее имя и растягивая остальные слова.

— Саша. — В отличие от него, ее голос прозвучал отрывисто и резко. — В сороковых годах японцы проиграли американцам авиа-сражения отчасти потому, что обращались друг к другу по всем правилам, согласно субординации и иерархии. И теряли драгоценное время. Поэтому — «Саша».

Ей было приятно его уважительное обращение, но она ненавидела свое имя. И старалась сократить. Не объяснять же ему, что так называла ее мама, когда сердилась. И эти дурацкие авиа-сражения! Зачем только она их сюда приплела?! Хотя в работе — так будет действительно удобнее. Коротко и четко.

— Хорошо. Саша. — Денис едва нахмурился, понимая, что ничего не понимает и причем тут вообще японцы и авиа-сражения?!

— Отлично. Тогда подведем итог. Вы забираете роль главного персонажа, присвоив его себе и даже не задумываясь,

Ваша ли это роль. Продвигаете съемки и все довольны.

— Если коротко и грубо, то да. Всё верно.

— Коротко и грубо. — она эхом быстро повторила. — Было... интересно пообщаться.

Девушка продолжала стоять, смотрела вроде на него, но словно сквозь. Слова звучали коротко, резко, но немного быстро.

Он пытался осознать. Это был конец? Прощание?

— «Интересно»? — Денис переспрашивал, искренне не понимая. — Что?

— На этом и разойдемся. — она впервые едва улыбнулась.

Саша посмотрела ему в глаза, но при этом протянула руку к своему рюкзаку, стоящему рядом на стуле.

Мгновенно встав, он замер, преградив ей «отступление». Теперь он смотрел сверху вниз, используя рост как преимущество. В висках застучало. Глухим, нарастающим гулом.

— Я не понял. Ты что-то имеешь против меня?

Взяв рюкзак, она надела его на плечо, но продолжала стоять напротив Дениса, не решаясь шагнуть вперед.

— Против... против. — она неожиданно очень медленно повторила, словно пробовала слово на вкус. При этом ее взгляд метался. Она не хотела быть здесь с ним. Не хотела работать с ним. Не хотела общаться. Она боялась. — Да. Я против работать с ВАМИ. Но, к сожалению, вынуждена.

Гнев медленно наполнял мужчину. Но голос, к его собственному удивлению, стал не громче, а тише и тверже. Че-

люсти светло так, что заболели скулы.

— «С тобой». Мы же перешли на «ты». Помнишь? Японцы? Авиа-сражения? А раз мы «вынуждены» работать вместе, пояснишь суть проблемы? Что именно тебя не устраивает? Я?!

— Вы. — она ответила слишком быстро и четко. Так быстро, что снова посмотрела ему в глаза. — Ты... — её голос прозвучал чуть тише.

— Ну же! Давай. Чем именно я тебя не устраиваю? — его раздражала эта выскочка. Даже бесила. Кто она такая, чтобы демонстрировать ему свое недовольство? Она должна быть счастлива, что он заинтересовался её сценарием!

— Ты не сможешь.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Он с силой сглотнул, пытаясь вернуть контроль. Голос, когда он заговорил, звучал хрипло и непривычно даже для него самого.

— Я? Не смогу? В смысле? Как продюсер? Или... актер? — он не мог поверить, что она так откровенно и безжалостно унижала его способности. Его самого.

— Как актер.

Денис пытался сдерживаться. Кончики пальцев, засунутых в карманы, онемели от того, как сильно он вжимал их в швы. Он дышал медленно и глубоко, как учили на каких-то многочисленных курсах по самоконтролю.

— Серьезно? погоди... я правильно понял? Ты... говоришь мне о том, что я не справлюсь? Как актер? Говоришь

мне, у которого столько фильмов и сериалов за плечами? Ты говоришь мне, что я не справлюсь?! — он говорил, растягивая слова.

— Именно. — ее тихий, но уверенный ответ стал последней каплей.

— Да кто ты такая?! — мужчина выкрикнул, перестав себя контролировать.

— А какие фильмы? — она взорвалась в ответ, взбунтовавшись. — Какие сериалы? Где ты играешь красавчика и все бабы падают к твоим ногам? Сплошной фейк!

— Фейк?!

Они продолжали стоять друг напротив друга. Уязвленное самолюбие мужчины разъедало его изнутри. Более того, он неосознанно сложил руки на груди, пытаясь отгородиться от ее слов. Но всё-ещё пытаясь переспрашивать.

Саша продолжала стоять с рюкзаком за плечом, но её взгляд снова бегал. Она уже дико ругала себя. Однако внезапно девушка замерла и снова посмотрела на него.

— Ты словно играешь себя красивого в кино. Но это неубедительно и поверхностно. — став безжалостно холодной, она произнесла это ледяным голосом

— Ты вообще понимаешь, с кем ты сейчас разговариваешь?!

— Я-то как раз понимаю. Это ты не понимаешь. Не понимаешь кто **ТЫ** и на что способен.

— Судя по твоим словам, я жалкая посредственность, ко-

торая чудом угодила на экран!

Его обжигающая ярость сталкивалась с ее безумным холодом. словно в этом замкнутом пространстве две стихии пытались безжалостно гасить друг друга.

— Я так не говорила. Не утрируй и не переигрывай.

— Тогда что ты, блин, хотела сказать?

Осознавая, что наговорила того, чего не должна была, Саша мгновение молчала, прикусывая губу. Денис продолжал пытаться сдерживаться, стараясь медленно дышать. Он ощущал бешенство, однако девушка этого не видела.

И она действительно этого не видела. Её внутренний сканер продолжал пытаться снова и снова считывать информацию. Глаза, рот, руки — И НИЧЕГО! Это был безумный перегруз системы. Саша не выдержала. Она вдруг заговорила чуть быстрее, и чуть тише, вкрадчивее, словно боясь передумать.

— Я хотела сказать... Ты... на самом деле ты — ахрени-тельный. Твоя внешность, твой типаж, твой голос! Какой же потрясающий у тебя голос! Ты как... Скрипка Страдивари. С безграничными возможностями. Невероятными возможностями. Я просто поражаюсь тому потенциалу, который в тебе заложен. Но ты... на этом потрясающем инструменте... словно играешь один и тот же кавер на три аккорда. Это... это...

Она едва заметно делала небольшие шаги, приближаясь к нему, «атакуя». Денис не понял, как начал отступать, пока

не уперся в кресло за собой. Он сел. Почти упал... отступая. Саша остановилась, нависая над ним, продолжала говорить с каким-то яростным восторгом.

— Ты словно поставил себя как экспонат за толстое непробиваемое стекло. И все ходят, смотрят, восхищаются! Но чему тут восхищаться? Что ты стоишь как мумия? Или рофлишь? Или смотришь пустым взглядом? Не используешь все невероятные тембры твоего голоса? И каждый раз, от фильма к фильму, от сериала к сериалу — ничего не меняется. Все восхищаются, нахваливают. А ты просто вот такой... одинаковый! Стоишь, давая собой любоваться. Ты можешь заставить публику рыдать или смеяться, заставить биться в истерике от переполняющих чувств, а ты просто... стоишь!

Саша вдруг замолчала. Ее слова были болезненными. Прежде всего для нее. Ее сейчас не пугало то, что она может обидеть или оскорбить его. Она боялась того, ЧТО он может узнать о ней самой из ее слов. О ее безумном желании работать с ним, быть рядом и нереально удушающем страхе выглядеть в его глазах глупой, наивной фанаткой.

Денис сидел, глядя сквозь девушку перед собой. Ее слова жестоко, грубо и беспощадно били по его самолюбию, одновременно безразмерно льстя. Это была такая дикая смесь, что она буквально выбила почву у него из-под ног.

И в этот момент, сквозь шквал собственной ярости и унижения, в нём мелькнула холодная, профессиональная искра. Не оценка девушки — оценка инструмента. Так смотрят на

скальпель, которым только что провели по твоей же коже, отмечая безупречную остроту его лезвия. И тут же эта искра была затоплена адреналином и гневом.

Он физически чувствовал, как сжимаются лёгкие. Сидя в кресле, глядя снизу вверх, он не понимал, на что реагировать. Его ошеломила хирургическая точность, с которой она вскрыла его, добралась до внутренностей. Точно и безжалостно орудуя острым лезвием скальпеля глубоко внутри. То, что он прятал даже от самого себя так глубоко, как только мог!

Дверь конференц-зала приоткрылась и заглянула секретарь, проходя внутрь с кружкой кофе для Дениса.

— Исходя из твоих слов... получается... я ленивая скотина?! — он сам не понял, насколько удивленно прозвучал его голос.

— Прошу прощения, Ваш кофе. — секретарь едва слышно произнесла, стоя рядом с Денисом, держа в руках его кружку с кофе. Она едва отодвинула сценарий на столе в сторону и поставила кружку на стол.

Саша едва бросила на нее взгляд и подсознательно тут же зафиксировала.

#Глаза — огромные. Удивление.

#Рот — едва приоткрыт, боится даже дышать. Шок.

#Руки — медленно ставила кружку на стол, как можно осторожнее.

Итог: секретарь едва скрывала безумное удивление. Тако-

го она точно не ожидала услышать.

— Ты прав. Именно так. — Сашин голос прозвучал холодно и надменно.

Она не поняла, что именно ею руководило. Нежелание унижаться перед Денисом и секретарем, которая прекрасно слышала, как он сам себя обозвал? Страх показать себя слабой и забрать свои слова обратно? Она продолжала корить себя за такое огромное количество лишней информации, которую озвучила!

— Пожалуй, на этом мы закончим нашу исключительно продуктивную встречу. — Саша посмотрела на секретаря, которая собралась выйти, но замерла после услышанных слов.

— Думаю, ему нужна скорая, или любая помощь, иначе он сейчас потеряет сознание. Или уже потерял... В любом случае, спасибо за всё, оставляю его в Ваших заботливых руках. — Саша откровенно язвила, стараясь не показывать свою слабость, но именно ее она и проявляла.

Мысли Дениса хаотично скакали, и он даже не понял смысл последних слов Саши, ведь она обращалась уже не к нему. Его неосознанное восприятие свелось к одному — он сел в машину для участия в тест-драйве, а оказался на краш-тесте. Его сознание пыталось запустить стандартные протоколы ответа: парировать шуткой, уйти в сарказм, задавить авторитетом. Каждый протокол давал сбой и зависал, натываясь на безошибочную точность её диагноза.

Мужчина нервно раскачивался в кресле. Его ошеломленное сознание просто перестало фиксировать хоть что-то, не относящееся к нему лично. Он продолжал пытаться осознать ее сравнение, ее слова, ее отношение к нему. Это было ярко, мощно, больно, жестоко и противоречиво. Мгновенный разгон скорости и ослепительный удар о бетонную стену. Он даже не понял, как Саша попрощалась и вышла из кабинета.

Это был не эмоциональный срыв — это был именно краш-тест его восприятия, и все системы показывали красный. В голове оставался только белый шум и чёткий, как надпись на приборной панели после аварии, вывод: «КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА СИСТЕМЫ».

Сбой его восприятия вызвал не просто «зависание», а разрушение системы реагирования Дениса, жестко перегрузив систему анализа информации. Его взгляд вдруг зацепился за титульный лист сценария на столе. ЕЁ сценария.

В верхнем углу титульного листа были нарисованы какие-то закорючки, которые кто-то рисует просто чтобы занять руки. Какое-то перышко, какие-то символы... Но в середине, большими буквами, странным, приукрашенным почерком были выведены буквы, которые обводились снова и снова...

«НЕ ВЕРЮ»

— Прощу прощения, Вы в порядке? — секретарь попыталась спросить актера. Только тогда с него спало оцепенение.

— В порядке ли я?! Seriously?!

— Да...

Ещё мгновение Денису потребовалось на то, чтобы понять — перед ним стоит секретарь. Саши в конференц-зале нет.

— Фак! — слово вырвалось хриплым, не его голосом. Он резко встал, и кресло, отброшенное его движением, закрутилось с бешеным ускорением. Схватив сценарий так, что бумага смялась в его кулаке, он выбежал прочь, не замечая секретаря.

Секретарь стояла, глядя мужчине вслед. Огромный конференц-зал опустел, словно замерев во времени вместе с секретарем... Только кресло Дениса всё ещё крутилось вокруг себя.

2. Pre-Production. Страх

Саша быстро шла к лифту. Ещё немного и она сбежит. Пусть это будет позорно, трусливо, но она сбежит! В конце концов, она просто продаст права на сценарий, права на свое детище. Свою идею, которую она так трепетно растила и формировала. На которую потратила столько времени и буквально выстрадала многие болезненные моменты истории. И одновременно она ясно понимала, что не сможет этого сделать.

Крепко сжав челюсть, Саша зашла в пустой лифт и нажала кнопку нужного этажа. Двери лифта стали закрываться, и она отступила назад, прижавшись спиной к стенке лифта. Она закрыла глаза и едва выдохнула.

Двери лифта не успели закрыться, как створки снова начали открываться.

— Мы не закончили.

Денис вошел внутрь, глядя на Сашу, держа в руке скрученный в трубочку сценарий. Его голос звучал тихо, обдавая сдерживаемой яростью.

Саша не пошевелилась и не открыла глаз. Она боялась снова посмотреть на него и увидеть лишь вопросы в своей системе #sign3Wall. Отчаянно пытаюсь представить, что находится одна в лифте. Саша умела это. Отгораживаться от окружающей реальности, продолжая в ней находиться и

представлять иную... свою реальность. Свой мир, в котором она могла укрыться. Нужно было всего лишь — не открывать глаза.

— Значит... по твоему... ни тело, ни голос, ни даже взгляд... Ничего?! Совсем ничего?!

Он сам не понимал, насколько ему было обидно. Учеба, занятия, тренировки, дубли снова и снова. Чертов Голливуд, в конце концов! У него были роли, проекты, он снимался у Легенд Мирового кинематографа! А она?! Эта непонятно откуда взявшаяся девица просто взяла и выкинула ВСЕ его старания в помойку.

— Особенно взгляд. — она продолжала стоять с закрытыми глазами, едва усмехнувшись, представляя, что она одна, но чувствуя, что он стоит перед ней. — Ни разу... ни единого раза, глядя в глаза своей партнерши, ты не говорил искренне. Я уж не говорю, чтобы ты хоть что-то чувствовал.

— Почему ты решила, что я ничего не чувствовал?!

— Зрочки.

— Зрочки?! — он шагнул чуть вперед, но между ними всё равно было большое расстояние.

— Только не говори мне, что не знаешь... что они расширяются, когда...

Саша попыталась придать голосу как можно более небрежный тон, однако открыв глаза и посмотрев на Дениса, ее голос охрип, и она произнесла чуть тише:

— Когда ты хоть что-то чувствуешь.

Что-то изменилось. Она чувствовала это кожей. Денис не приближался к ней, но стоял близко. Он наклонил голову и едва улыбнулся. Однако улыбка была какой-то странной.

Мужчина рассматривал ее взгляд. Ее глаза. Ее чёртовые зрачки. Они были расширены. Словно два огромных, черных блюдца.

Саша быстро пыталась решить — что делать дальше?! Включить лифт, чтобы поехать дальше. Или открыть двери и выйти. Сбежать. Ее почти трясло от ощущения, что надо срочно сбежать. И это было странно, ведь Денис ничего не делал. Он просто стоял напротив и вообще ничего не делал. Хотя из-за разницы в росте — он все равно нависал над ней и словно занимал всё пространство лифта. Доминируя чисто физически. И даже высокие каблуки ее не спасали. Не в этот раз...

— Лифт никуда не едет.

— Я знаю. Я его заблокировал.

Саша начинала привыкать к этим вопросам в ее оценке [#sign3Wall](#). Снова ничего не видя, она просто может всё игнорировать. Или обесценить. Свести всё к банальщине.

— Ты так на меня смотришь, словно хочешь заняться со мной сексом прямо здесь и сейчас. — она очень старалась, чтобы ее тихий голос прозвучал холодно, надменно и уверенно.

— А...

Денис замолчал, едва начав. Он едва не произнес «а у тебя

зрачки расширены» — но вовремя замолчал. С одной стороны, ему очень хотелось унижить ее! Поиздеваться. Ведь она жутко раздражала его. Но с другой — этот диссонанс всего происходящего, всего в ней самой, продолжал как вирус атаковать всю его систему.

Внезапно осталась лишь голое, пугающее взаимодействие двух людей, которые абсолютно не понимали, что делают, но не могли остановиться.

— А если это так? — он продолжил чуть тише.

«А если это так?» — фраза эхом звучала снова и снова в голове Саши.

Она не запомнила, как придвинулась ближе к нему. Девушка внимательно смотрела мужчине в глаза. Но не прикасаясь. Словно невидимый, но ясно ощущаемый барьер, размером всего в миллиметр, был между ними. Саша оказалась так близко, что он чувствовал ее дыхание на своих губах.

И оба не замечали, как он мнёт сценарий в своей руке, сжимая листы, скрученные в трубочку.

Его парализовал ступор. В любой другой ситуации он бы просто мило улыбнулся и отвернулся... или вообще отошел. Но сейчас — он смотрел в ее глаза и НЕ ПОНИМАЛ.

Саша, протягивая руку вперед, дотянулась до панели с кнопками и включила лифт. Продолжая смотреть ему в глаза. Ее сознание провалилось в какое-то небытие, вызванное перегрузом.

Они молча ехали в лифте, глядя друг на друга всё в той

же опасной близости.

От дикого стресса из ее памяти начисто было стерто, как открылись двери лифта, и она едва слышно, но требовательно сказала: «Иди за мной».

Перед встречей с девушкой мужчина хотел так много с ней обсудить! Разобрать сценарий... так много хотел сказать и проговорить! Но всё понеслось кувырком. И не просто кувырком — всё смело ураганом. И он не понимал, зачем идет сейчас за ней. Или не хотел понимать. Она сказала идти — он шёл.

Саша не запомнила, как открыла дверь своего гостиничного номера, зашла сама и впустила Дениса. Реальность она почувствовала, когда он начал ее целовать. Или она его?

Ведь закрыв дверь гостиничного номера, именно она быстро шагнула к нему и коснулась губами его губ.

Саша открыла глаза и едва отодвинулась от него. Впервые вглядываясь в его лицо, она увидела что-то безумное в его взгляде. Даже звериное.

Он вдруг понял, что в руке держит какие-то бумаги и попытался швырнуть их на тумбу у входа, но промазал.

— Даже не вздумай снова сбежать! — Денис не понял, как схватил Сашу за плечи и грубо развернул, прижав ее лицом к стене прямо здесь, в коридоре. По полу рассыпались листы сценария.

Он держал её и одновременно задирал подол юбки. Строки ее сценария путались с его мыслями, перемешиваясь с

шумом собственной крови в висках. Он не насиловал её. Он доказывал сценаристу, что её текст — не просто бумага. Что он, как актер, может быть плотью, болью, страхом из ее воображения. Сколько раз он перечитывал строки ЕЕ собственного сценария, где было именно так: быстро, жёстко, грубо и так горячо! Того самого сценария, который сейчас валялся у них под ногами.

И чем больше его действия напрягали девушку, тем грубее он себя вел.

Саша запаниковала. Внутри всё затряслось от страха и одновременно возмущения.

— Ты этого хотела, малышка? — его шёпот был хриплым. Была ярость, обращённая внутрь. Этот чёртов вопрос он задавал не ей, прижатой к стене, а автору... той, что написала эти строки, той, что заставила его ПРОЧУВСТВОВАТЬ их настолько, что теперь он не знал, где заканчивается роль и начинается он сам.

Он произнес эту строчку из ее же сценария, шепча ей на ухо, едва касаясь губами ее шеи. Ему хотелось подчинить её. Хотелось даже сломать. Эту надменную выскочку, которая была никем. Которая заставила его так покорно идти за ней! Как вообще это произошло?

Его губы шептали ее же слова. Его руки повторяли описанный ею же кошмар. И вслушиваясь в его жадный, агрессивный шепот, девушка на мгновение замерла и её сознание словно разделилось надвое. Часть её панически истери-

ла, от унижения, боли, страха, ярости и возмущения, а часть словно смотрела этот эпизод на мониторе и вслушивалась в этот бархатный низкий голос. Такой уверенно сексуальный и безумно соблазнительный.

Девушка каждой клеточкой тела ощущала, насколько точно мужчина воспроизводит строчки ее сценария. Это было слишком. Слишком реалистично. Слишком дословно.

Чувствуя, как он схватил её за руку и стал заводить её за спину, Саша развернулась и ударила его так быстро и сильно, как только смогла. Звук пощечины был оглушительным. Как взрыв.

Саша даже прижала руку к себе, чувствуя, что отбила ладонь. Мужчине же пришлось отвернуться, таким сильным был удар. Они стояли посреди небольшой прихожей в номере отеля, посреди рассыпанных листов, друг напротив друга. Денис был все еще одет, а Саша... с задранной юбкой, с разорванной блузкой и почти кричала.

— Больше никогда не смей так делать! Я не твоя «малышка»! Не твоя вещь и не твоя собственность. Если когда-нибудь тебе придет в голову бредовая мысль коснуться меня хоть пальцем — ты будешь просить разрешения. Ты понял?! — в ее голосе не было жалости. Даже страха. Была ярость и злость. Ее оценка не действовала, ее методы проваливались. Она не могла управлять им, не могла управлять собой!

Денис медленно поднял голову и посмотрел на Сашу. В его глазах было что-то темное и давящее. Она ни разу не

видела у него такого взгляда. И опять подумала, что его взгляд безумно шикарен и именно это нужно заснять. Крупным планом — эту мощную, пугающую тьму, жаждущую вырваться наружу. Но этот взгляд... она видела тьму, но не понимала ее. Как животное — она видела опасность, но не могла проанализировать.

Смутившись, она быстро отвела взгляд и попыталась поправить юбку.

Денис стоял, смотрел на Сашу и не понимал, что произошло. Он словно оказался в эпицентре шторма, который с чудовищной силой поглотил его целиком, разнося его восприятие, его реальность в щепки. Она не просто вызывала диссонанс — она пугала его! В этом растрёпанном виде. И всё еще в туфлях на высоком каблуке. Мужчина в ступоре смотрел на оторванные пуговицы ее блузки и не понимал, когда он успел это сделать. А ведь именно ОН это сделал.

Она посмотрела на него и повторила вопрос.

— Ты понял?

Он едва кивнул в ответ.

— Отлично. Ты можешь идти.

— Нет. Нужно обсудить...

— Уже всё обсудили.

— Нет. Черт! Как же с тобой сложно! — он снова сорвался, слыша, как в его голосе звучат ноты отчаянья.

— Серьезно? Со мной? Ты силой... — она пыталась как-то поправить одежду на себе, но поняла, что порванную

блузку ей не застегнуть и нет смысла заправлять ее обратно в юбку. — Ты чуть...

Саша пыталась подобрать слова и не могла.

— Просто ты так красочно и страстно описывала секс. Жесткий и грубый секс. Я решил, что ты хочешь именно этого. Пожеще.

Сашу накрыло. Она резко прервала его, не понимая, что кричала яростно, грубо и агрессивно.

— Пожеще?! Нет. «По-же-ще» — это не моё! Я могу об этом писать, могу представлять, могу проигрывать снова и снова, но это: НЕ. МОЁ. Я слабая! Ты не должен был! Не имел права так делать! Никто не имеет права так делать! Никто!

Она кричала. Ее голос был резким, громким, властным и требовательным. В ней абсолютно всё вызывало диссонанс.

— Я понял. — его слова прозвучали уверенно, хотя он ничего не понял. Как можно говорить о слабости и хрупкости так агрессивно и яростно? Его мозг, привыкший работать с четкими сценариями, где страх выглядит страхом, а боль — болью, дал сбой.

— Хочешь обсудить что-то еще? — вдруг ее голос снова прозвучал холодно. Она закончила и хотела, чтобы он просто ушел. Ей было так дико и неприятно стоять тут в коридоре рядом с ним. Её дезориентировал даже не тот факт, что она выглядела как после изнасилования — ее терзало осознание, что они буквально топчутся на страницах ее сценария.

— Хотелось бы. — хотя он даже не понимал, о чем сейчас может с ней говорить. Но система взаимодействия продолжала придерживаться одного курса, взятого еще до всего этого урагана — «надо поговорить».

И она сорвалась. Опять.

— Хорошо. Давай обсудим. — Саша злилась, теперь пытаюсь скрыть страх, обиду и разочарование. Но голос снова стал холодным, отстраненным и злым. — Итак, что я думаю о тебе в целом. Я была не права! Ты идеальный актер. Идеальный сосуд, пустой до той поры, пока режиссер не наполнит его чужой душой. Ты лишь архив чужих историй! И ты панически боишься, что твоя собственная так и останется вечно пустой. Поэтому. Раз уж ты так залип на этом проекте. Моём проекте. Начиная с этого момента, давай четко определим наши роли. Ты делаешь то, что я хочу, как хочу и когда хочу. А если не знаешь, как я хочу, будешь спрашивать или предугадывать. Это касается всего. Я говорю прыгать — ты прыгаешь. Я говорю молчать — ты молчишь. Я говорю уйти — ты мгновенно растворяешься в горизонте. Это МОЙ сценарий. Это МОЯ история. Это понятно?!

Он молчал, пытаюсь осознать услышанное. Сначала она так яростно и уверенно говорила ему о том, что она слабая и не выдерживает давления, а потом говорит, что он пустая марионетка? Грубая, беспощадная, жестокая откровенность сначала о себе, а потом о нем — казалось нереальной. Уже многие годы никто не позволял себе ТАК с ним разговари-

вать. А тут — эта девочка растаптывает его. От шока, он не реагировал. Словно он застрял на кадрах видео, и как манекен разбивался в машине на повторяющемся краш-тесте.

Она рассматривала его, изучала отсутствие реакции на ее безжалостные слова и не могла понять, как это его не задело. Саша ничего не видела. Она сама еще не осознавала, как хотела его унижить, подчинить и даже сломать.

— Понятно. Мне попрыгать? — он вдруг ответил резко, надменно усмехаясь. По сути, для него она была лишь сценаристом. Почти никем. Он был Номером Один. Он принесет деньги для проекта. Не она!

И его усмешка заставила Сашу сорваться окончательно. Разум или холодный расчет одержали победу, она отвернулась и переступила через листы сценария. Продолжая ощущать, как топчется по... самому личному. Быстро пройдя в комнату номера, она зашла в ванную, громко захлопнув за собой дверь. От резкого удара дверь открылась и ей пришлось снова попытаться закрыть дверь.

Именно так подумал Денис. Что Саша была холодна и расчетлива. Безжалостная, холодная, расчетливая стерва. Это было проще. Понятнее.

Но в этом эпицентре событий — логика каждого из них была мертва. Здесь и сейчас правили травмы, страх и инстинкты.

От первого удара двери о дверной проём он вздрогнул и посмотрел на девушку.

Саша держалась за дверную ручку и била дверью снова и снова. Её трясло. Она не понимала, как он мог стать таким грубым и жестоким? Как вообще всё так произошло? Её тоже раздирал на части этот диссонанс. Денис не был таким. Она это точно знала, ведь никогда не ошибалась в оценке людей. Её движения зациклились. Попав в замкнутый круг, она застряла.

Или это была первая ошибка? Первая, болезненная, грубая и жестокая. Её система никак не могла реанимироваться после тотального сбоя. Она пыталась понять и не могла! Он начитался её сценария и решил стать именно таким? Сашу трясло настолько, что она не могла даже закрыться в ванной. И зачем она назвала его пустым?!

Но она действительно сейчас не видела его самого — живого человека. Она видела архив чужих душ, лабиринт чужих эмоций и где-то в этом бесконечном лабиринте затерялась его собственная душа. Он сказал, что хотел воплотить Её фантазию. А где же он сам? Какой он был на самом деле?!

Денис быстро подошел к двери ванной и крепко схватил дверь, не дав Саше продолжить стучать ею.

Отпустив дверь, девушка попыталась отступить назад.

— Не подходи ко мне!

Она отступила еще на полшага назад.

— Черт! — он смотрел как она отступала назад. Что она всё еще на каблуках. И видя картину целиком — понимал, что она сейчас споткнется о бортик душа и упадет.

Ясно осозная, что безумно нервирует, даже дико пугает девушку, он не остановился. Резко шагнув вперед, он с силой схватил ее и прижал к себе.

— Отпусти меня! — Саша задохнулась от возмущения и попыталась оттолкнуть Дениса.

— Нет! — его голос прозвучал громко и резко. Поняв это, он проговорил тише. — Нет.

Инстинктивно крепче прижав её к себе. Он не отпустил ее, крепко удерживая, обнимая, однако стараясь не сделать ей больно. Внезапно это стало просто. Он сильнее — он спасает. Его сознание зацепилось за эту мысль и как можно дольше удерживало её. Его тело — продолжало прижимать девушку к себе. На физическом уровне он ощущал, что сильнее её. Но сейчас не обращал эту силу против нее.

— Ненавижу тебя! — Ее слова звучали яростно, однако она почти не вырывалась. Это было бесполезно. Саша лишь думала, как заставить его отпустить и... отступить.

— Хорошо. — его голос звучал уверенно.

Денис понимал, что бесполезно было сейчас что-то объяснять. Что он был не в себе, когда зашел за ней в номер. Он просто не успел ничего обдумать, пока шел из лифта за ней как послушный щенок.

Бесполезно было говорить, что так груб он не был никогда в жизни. Она вывела его из себя. Из привычного равновесия. Буквально выбесила. И продолжала снова и снова это делать. Бесполезно было даже пытаться понять, что именно лиши-

ло его уверенности и зачем он пытался что-то контролировать. Мужчина просто обнимал девушку, прижимая к себе. Удерживая обеими руками, желая хотя бы немного остановить этот ураган.

Он не понимал ее. Не понимал своих реакций. Всё происходящее развивалось так интенсивно!

И они оба не осознали, что на мгновение замерев, стали физическим воплощением ее образа — пустого сосуда и тем... кто его наполнил.

— Я... а ты... — она ощутила, как ее затрясло. Голос захрипел и задрожал. Она не могла себя контролировать. Тело предало ее.

— Да. Ты права. Всё пошло не так.

Прижимая девушку к себе, мужчина чувствовал, как ее трясло от напряжения. Он обнимал, крепко прижимая, стараясь осторожно поглаживать её по спине. Время впервые замерло, погрузив их в ту самую тишину и пустоту эпицентра урагана.

Саша осознавала, что не могла позволить ему увидеть свою главную слабость. Она уже слишком многое обнажила перед ним, сама не осознавая. Поэтому, уткнувшись ему в грудь, она пряталась. За действиями, за словами. Сведя всё снова к плоскому восприятию действительности.

— Если бы я пыталась исправить этот сюжет, я бы заставила героев заняться сексом.

Денис опять не сразу понял смысл слов Саши, прозвучав-

ших очень тихо. Он просто слушал ее голос. Такой неожиданный, нежный, вкрадчивый, очень мягкий.

— Да... Что?

Подняв голову, Саша внимательно посмотрела мужчине в глаза. И она снова ничего не видела.

Всматриваясь в ее взгляд, только сейчас он увидел — КТО всё это придумывает и пишет. Как, с каким взглядом в ее голове появляются все эти идеи, сюжеты, держащие в напряжении. На мгновение, он словно оказался внутри. Она сейчас предлагала ему ПЕРЕПИСАТЬ ситуацию, в которой они оказались. И он впервые понял, о чем она говорит. Не что, а о ЧЁМ. Это осознание тормозило его реакцию. Жестоко тормозило.

Она вдруг усмехнулась.

— Я поняла. — ее голос и взгляд изменились. Стали безучастными, отстраненными и холодными. Его молчание она расценила как отказ. И не готова была его пережить. Она дико ругала себя за глупость! Это было так тупо снова и снова предлагать ему себя!

И он СНОВА не понимал, что опять произошло. Почему она так легко ускользнула. Так легко избавилась от его объятий. Денис просто смотрел на Сашу.

— Отвернись.

Он тут же отвернулся, встав к ней спиной. Как послушная марионетка в ее руках — он просто повернулся. Она говорит, он делает. Денис не анализировал, не успевал! Его

профдеформация, как актера, подсознательно заставила его просто сделать то, что говорила девушка.

Как только он отвернулся, она молча начала раздеваться.

Мужчина стоял и не шевелился. Он слышал, как она снимает одежду. Краем глаза даже видел, как ее вещи падают на пол недалеко от него. Но продолжал неподвижно стоять.

— Ненавижу тебя!

Сашу раздирало напряжение. Она с раздражением раздевалась, небрежно отбрасывая на пол всю одежду. И только в самом конце она отбросила туфли. Она смотрела, как он продолжал неподвижно стоять спиной к ней. Он не мог видеть её. Мог только слышать. Но он продолжал неподвижно стоять.

Денис молчал. Что он мог ответить на ее слова? Сказать, что «ненависть» — это не профессионально? Его поглотил этот ураган, и он понятия не имел, что ей сказать. Это она была движущей силой. Стихией. А он лишь подчинился. Как актер, исполняющий волю режиссера. Вдруг он ясно осознал, что роли теперь действительно четко определены. И едва улыбнулся.

Однако услышав, как она включила воду в душе, он перестал улыбаться. Его воображение легко нарисовало соблазнительную картину, как девушка стоит под струями воды и как вода стекает по ее нежной, бархатистой коже.

Саше вдруг понравилось ощущать это садистское чувство контроля и власти над Денисом. Даже не глядя на него, она

ощущала, что он не смеет шевелиться. И девушка растягивала это удовольствие. Это было так легко. Так просто. Словно буквы сами складывались слова, слова в предложения, а предложения рисовали сцену.

Сейчас она не думала, что рядом с ней — живой человек, со своими мыслями, со своим восприятием и своей реальностью. Она пыталась и не могла этого увидеть. Поэтому сейчас она перестала пытаться и увидела своего Актера. Послушного. Податливого. Исполнительного. Глину в своих руках. И вдруг ощутила, что полностью увязла в этой глине.

Денис рассматривал гостиничный номер. Продолжая стоять в небольшой ванной, он старался не думать о том, что происходит у него за спиной. Он смотрел на небольшую комнату и большую двухместную кровать, идеально заправленную. Сейчас он мог позволить себе сосредоточиться только на этом. На эконо-номере, который смог позволить себе сам сценарист. Или это были минимальные расходы на сценариста, которые позволял бюджет проекта. Однако в номере даже была кофеварка и хороший письменный стол, на котором стоял ноутбук. Мысли переключились на то, что именно было в этом ноутбуке. Ее сценарии... идеи. Ее миры, которые она создавала в своей голове и которые хранились в этом ноутбуке. Ему было привычно ожидание. И шум воды даже начал успокаивать.

Она выключила воду и замерла. В её сценарии героиня была бы решительнее. Или наоборот? Слабая и запутавша-

яся?

Его тело среагировало на изменения, едва уловимо напряглось.

— Подашь мне халат? — Саша произнесла это негромко, спрашивая. Но даже вопросительная интонация была лишь вежливой формой требования.

— Конечно. — его ответ прозвучал легко.

Два гостиничных халата висели сбоку от него. Едва повернувшись, он взял халат и замер. Маленькое помещение ванной комнаты не требовало подходить к Саше. Нужно было лишь повернуться. Повернуться и посмотреть на нее! Он вдруг ощутил себя в целом хаосе проверок, задалбливающих его один за другим!

Саша взволнованно ждала. Подсознательно давая ему шанс увидеть ее голой. Что-то сделать. Заняться наконец-то сексом! В конце концов! Она понимала, что ей нужно сделать это и — забыть. Просто секс и ничего больше. Ведь если придется работать с этим напряжением, она могла сама всё испортить. И это сводило с ума. От ожидания и волнения мурашки побежали по её коже.

И Денис медленно повернулся к ней. Саша стояла перед ним голая. Но он не видел этого. Поворачиваясь, он закрыл глаза. И молча протягивал ей халат. Опять это отсутствие у него каких-либо реакций! Она ждала взгляда, жадного или смущенного, ждала грубости или неуверенности — простых, человеческих реакций, которые можно было бы разложить,

проанализировать. Вместо этого получила тишину. Глухую, плотную, как стена из льда. Девушка не понимала — что было за этой стеной? Бушевала непонятная ей буря? Или тишина, как в эпицентре урагана? И эта стена была воздвигнута по ее же приказу...

Странное ощущение заставило девушку замереть. Разочарование? Или восторг? Она уже коснулась халата и стояла, не двигаясь. Глядя на Дениса. Позволяя СЕБЕ внимательно рассматривать его.

Из всей этой дичи эмоций, которые она пыталась в себе задавливать, на первое место ворвалось осознание — перед ней не просто Актер, а Профессионал. С опытом, с умением, навыками и знанием. Она продолжала его не понимать, но продолжала получать подтверждения о том, что в нем огромный потенциал. И сейчас — в этом маленьком молчаливом действии, увидела всю мощь его выдержки и опыта, как Актера. Она была бесконечно права. Он был истинной Скрипкой Страдивари. Издающей божественное звучание всего лишь своим присутствием.

Это было странное, противоречивое ощущение. Он стоял перед ней, словно ее персонаж. Но воплоти. Живой и такой настоящий. Но ведь он о чем-то думал? О чем-то мечтал? Чего-то хотел? Она вдруг поняла, что не знает его. Ощутила каждой клеточкой тела, что не знает его настоящего. Того, что у него действительно внутри. И эта покорность, с которой он стоял перед ней с закрытыми глазами, протягивая

халат. Не нарушая ее подсознательное, противоречивое желание: чтобы он был рядом, но не смотрел на нее. Она осознала, насколько он точно понял ее требование. Понял и реализовал.

В этом было что-то нереальное. Его нереальная сила и мощь. Она чувствовала это, рассматривая его. И это ощущение усиливалось физически... она была значительно ниже без каблуков. Он как огромная скала стоял перед ней — голой и незащитной. Но она чувствовала, что владеет этой мощью.

Их действия не были подчинены рамкам — «хозяин — раб». Это было иное. Мужчина перед ней обладал невероятной силой, РЕШАЯ подчиниться ей. Это не было подавлением или ломкой. Она могла даже сказать, что это он доминировал, передавая ей управление. Она до сих пор не могла его «считать» — но видела эту силу. Ощущала ее.

Она стала не просто сценаристом, не просто тем — кто придумывал историю, а тем, кто владел ситуацией. Владела ИМ? Его силой и волей. И это было в разы мощнее, чем сломать слабого человека, подчинив себе.

Мужчина боролся с собой. Желание открыть глаза и посмотреть на девушку было безумным. Но он продолжал неподвижно стоять с закрытыми глазами. И чувствовал, как она коснулась халата в его руке и рассматривала его. Внимательно рассматривала. Мгновение затягивалось. Дыхание сбивалось. Он физически ощущал её перед собой. Лишив-

шись зрения, все остальные чувства обострились как у хищника.

Ему жутко хотелось открыть глаза и посмотреть на нее. Без ее одежды и, возможно, без масок. Посмотреть и что? Он вдруг испугался думать о том, что тогда будет. Прислушиваясь к каждому ее движению, он понял, что она оделась и замерла, укутавшись поплотнее в бесформенной толстой ткани халата.

Денис медленно открыл глаза. И снова рухнул в бездну противоречий. Она была значительно ниже его ростом. Ему пришлось опустить голову, чтобы посмотреть на нее. Это было таким контрастом — в сравнении с ней в костюме и на каблуках! Сейчас это была маленькая, хрупкая девочка, которой он покорно подчинился. И он недоумевал — КАК?

Саша быстро шагнула вперед, обходя мужчину и выходя из ванной. Пройдя в комнату, она подошла к кофеварке и на некоторое время замерла. Она только приехала, только заселилась, и еще ни разу не варила тут кофе.

Он увидел, что она не стала распускать волосы и мочить их. Ей просто надо было смыть с себя его прикосновения. Денис поморщился. Девушки, женщины буквально умоляли порой, чтобы он лишь прикоснулся. А Саша — хотела обратного. Смыть с себя все его прикосновения.

Проследив за ней взглядом, он повернулся вслед за ней и шагнул в комнату.

— Тебе помочь? — он тут же понял, чего она хотела.

Едва кивнув, она отошла от кофеварки — словно освобождая ему место. Или сцену для его действий.

Денис прошел к аппарату и неожиданно легко заставил технику варить первую порцию ароматного напитка.

— Я тоже предпочитаю кофе. Сорри, что лишила тебя возможности выпить его в офисе. — в ее голосе звучала легкая непринужденность, но с долей язвительности.

Усевшись на подоконник, девушка плотнее укуталась в халат. Она делала вид, что не наблюдает за мужчиной, но тем не менее пристально следила за ним.

Что-то опять неуловимо изменилось. Всё стало иначе. Небольшая комната номера вдруг стала нейтральной территорией, где не было хаоса рассыпанных листов сценария, как в коридоре. Или напряжения доминирования как в ванной. Они словно оказались в другой реальности и играли... или стали другими. Неожиданно эти роль были более или менее понятны. Не привычны и не комфортны, а именно — понятнее.

— Не важно. Я могу сварить и себе. — он взял кружку с готовым напитком и повернулся к Саше. Сделав пару шагов, он оказался рядом, протянул ей кружку и посмотрел на нее.

Мгновение она смотрела ему в глаза. Не ожидав, что он так легко себя поведет. Так непринужденно и естественно.

Он застал ее взгляд. Заинтересованный, пытливый. Видел, как она изучала его. Его самого. Её зрачки, её чертовы зрачки были огромными.

— Спасибо. — не подумав, она протянула руки, чтобы взять кружку и коснулась его руки. От этого побежали мурашки. Прикосновение было таким нейтральным, но одновременно обжигающим. Саша на мгновение замерла, ощущая его горячую кожу рук под своими прохладным ладоням. Она смотрела в кружку перед собой, на свои ладони и его руку.

Улыбнувшись, она подумала, что в сценарии для этого избитого кадра точно была бы реплика «снимите номер». Но они уже в гостинице! И она уже **СТОЛЬКО** раз ясно и четко предлагала это!

— Всегда пожалуйста.

Рассматривая как она едва улыбалась и внезапно перестала, он осторожно отпустил ее кружку и отошел варить кофе себе.

Саша внимательно следила за Денисом, делая первый глоток. Кофе был вкусный. Аромат напитка наполнил всю комнату. Как и Денис, напиток словно стал главным объектом в этом пространстве. И Саша продолжала следить за мужчиной. За движениями, мимикой. Однако она кожей ощущала, даже не глядя на нее — он тоже следит за ней. Следит за ее реакцией. Это было странное мгновение существования в одном пространстве под взаимным пристальным наблюдением. Это было животное ощущение, когда все инстинкты сосредоточены только на одном — своем противнике и попытке понять, что происходит.

— Я хочу снять этот фильм. — ее слова прозвучали тихо и уверенно. — Если придется терпеть тебя, я потерплю.

— Я это понял. Четко и ясно.

Денис повернулся лицом к Саше, но не стал подходить, а просто прислонился к столу, присев и держа в руках свою кружку.

Они сделали по глотку, глядя друг на друга с безопасного расстояния.

— Кофе хорош.

Саша сказала, снова едва улыбаясь. Держа кружку обеими руками, отпивая и вдыхая вкусный аромат ей становилось комфортнее с каждым глотком. Кофе всегда спасал ее и давал сил. словно волшебный эликсир.

— Спасибо. Твоя кофе-машина очень старалась.

Денис едва кивнул на аппарат, в его словах был холод, но и странная непринужденность.

— Саш... — в его голосе вдруг появились серьезные и едва надменные интонации. — Я понимаю, что ты писала это не для меня. Я понимаю, что ты не хочешь видеть во мне своего персонажа.

Девушку словно обожгло изнутри. Стало вдруг тяжело дышать, и она всеми силами пыталась не показать этого. Он заблуждался. Она уже видела в нем своего главного героя. Уже только в нем его и видела...

— Но я... мне кажется, я чувствую его. — он не знал, как ещё до неё достучаться.

— Я хочу посмотреть на твои татуировки. — не меняя легкости в голосе, она прервала его, не отводя от него своего взгляда. Она снова ощутила этот восторг от возможности управлять реальностью её сценария, её проекта.

Денис судорожно обдумывал, пытаясь понять, что нужно сделать. Раздеться? Или это просто... это было... что это вообще было?! Она каждый раз меняла тему, уходила от разговора и не желала обсуждать сценарий. Как бы он не пытался. А он очень пытался! Ему даже впервые пришла в голову мысль, что может... нет смысла пытаться работать с НЕЙ.

— Мне снять толстовку? — ему вдруг стало неудобно. Его часто заставляли раздеваться. Его не смущало быть исполнителем, но сейчас это было иначе. Не с ней. Не с этой девочкой! Не после всего этого!

Саша молчала в ответ и ждала, глядя на него. Почему-то она не могла заставить себя ответить ему и сказать «да». И боялась! Внутри всё время был этот щемящий страх, что её оттолкнут, откажутся что-то делать. Ведь он уже отталкивал её. Она уже «предложила» ему себя. И не раз! А он игнорировал. Отталкивал. И девушка напряженно молчала.

Хотя сейчас её просьба была лишь попыткой прочувствовать своего персонажа. Дать её вымыслу реальную осязаемость. Она не думала, что просит «РАЗДЕТЬСЯ». Она хотела увидеть его татуировки, которые можно было бы вплести в сюжет сценария. Она ощущала предвкушение от возможности управлять реальностью своего сюжета. Это было

очевидно ей, но она не понимала, что это нужно было лишь проговорить. И она продолжала молчать.

А Денис расценил это как приказ. Как требование, которое он ОБЯЗАН выполнить. У него было четкое осознание — её не волновали его границы, его желания или мысли. Она потребовала и ждала беспрекословного выполнения ЁЁ воли. Он ощущал это давление, которого раньше никогда и ни с кем не ощущал.

Мужчина, продолжая сидеть на краю стола, медленно поставил кружку рядом с собой на стол, и так же медленно начал снимать с себя толстовку. Он не успел этого сделать, как Саша вдруг оказалась рядом и коснулась кончиками пальцев тату на его груди.

Она в опасной близости встала у него между ног и оставалось совсем небольшое расстояние между ними. Она игнорировала это, лишь увлеченно изучая татуировку.

Три единицы римскими цифрами.

Осторожно отложив одежду в сторону, он рассматривал, как она погрузилась в это исследование.

Его дыхание стало тяжелым, но девушка этого не замечала. Она не только рассматривала, но и трогала, поглаживала, выводила своими нежными пальчиками узоры на его груди. Она казалась хрупкой и незащитной. Поэтому, чтобы отвлечься — он решил рассказать, когда, зачем и почему сделал татуировку, которую она рассматривала. Это было приятно — вспомнить. И не думать о НЕЙ.

— Это... дата... Я её сделал...

Но Саша резко перебила его.

— Я знаю. Нет. Это треш.

Одно её слово. Всего лишь одно чёртово слово окатило его ледяной водой. Денис, прекрасно зная английский и разговаривая на нем, точно знал значение этого слова.

МУСОР. Уже было не важно, что она использовала это слово, просто чтобы озвучить, насколько была бесполезна его история в контексте сценария. И он не услышал, не понял, не осознал, что она ЗНАЕТ историю его татуировки. Знает личную историю, которую он никому не рассказывал и не озвучивал.

Сейчас он услышал только одно.

ТРЕШ.

— Мой сценарий мрачный, трагичный, жестокий. И история твоих татуировок будет такой же.

Саша вдруг споткнулась на полуслове, подняла взгляд и посмотрела на Дениса.

— В смысле... историей татуировки героя.

— Да. Я... так и понял. — почему-то он произнес это полупшепотом, боясь спугнуть её или её мысли. Одновременно его раздавило осознание: как глубоко она проникла в него. В его мысли, сознание и теперь — его личную жизнь. И это вызывало в нем волну негодования. Личная жизнь — была только его личной жизнью! А не... ТРЕШЕМ!

Вдруг Саша буквально услышала своего героя. Его голос.

Его интонации. Едва хриплый, низкий, полный уверенности и в то же время немного растерянный и даже мрачный. Она замерла от неожиданности.

— И... какая история МОЕЙ татуировки?

— Разве это не очевидно? Мне просто нужно кого-то убить, например, твоего единственного любимого, родного человека. Сделаем красочный флешбэк. Достаточно будет загримировать татуировку в первой сцене с обнаженкой, а потом вогнать сцену, как ты набиваешь тату. И всё.

— Так просто... — Он пытался осознать, как один из самых счастливых моментов в его жизни стал самым разрушающим. Как легко она обратила всё в боль. Он ясно осознавал, что это лишь вымысел. Но его раздирало от того, что все увидят эту татуировку и воспримут ее... как его боль, а не радость. Что ему нужно будет показать ВСЕМ, что это его трагедия, а не счастье! И это навсегда останется как клеймо на нем.

— Да. Будет еще более эпично, когда героиня обнаружит эту татуировку. Сделать и для нее это ключевой датой. Это будет идеальным дополнением.

— Я не могу. — Денис вдруг резко попытался отодвинуть от себя девушку. — Это слишком.

Он не мог просто отпихнуть хрупкую девушку, стоящую пред ним. Поэтому взял ее за предплечья и с диким напряжением осторожно, медленно отодвинул, едва сдерживаясь.

Она отступила назад, не понимая — что произошло. В её

глазах мелькнуло что-то детское и растерянное — будто у неё отняли игрушку, которую только что дали. Он просил, требовал, настаивал обсудить сценарий. И когда она наконец решилась, даже предложила, как сделать персонаж Дениса единым целым с ним самим — он ее отталкивает?

— Ты же сам хотел? Ты сказал, что это твой персонаж. Ты...

Саша с удивлением смотрела, как он быстро взял свою толстовку в руки и пытается её расправить, чтобы надеть.

Его окончательно захлестнуло осознание, что он не просто актёр, а материал. Бездушный, обезличенный материал. Материал, чья реальная жизнь должна быть раздроблена, раздавлена и перемолота многотонными жерновами в сюжет. В ЕЁ сюжет.

Раздался стук в дверь. Не понимая, что произошло, Саша быстро шагнула к выходу в коридор, но замерла перед рассыпанными листами сценария в небольшом коридорчике её номера отеля. Заставив себя пройти прямо по страницам, она оказалась у двери и открыла ее.

— Я узнал, что ты не послушала меня и сбежала! — в дверях стоял Юрий Викторович. Не заметив Дениса, он шагнул внутрь гостиничного номера. — На звонки не отвечаешь! Хорошо хоть у секретаря была информация, куда тебя заселили!

— Я не сбежала. — девушка неуверенно произнесла, пропуская неожиданного гостя внутрь.

— Что это у тебя за творческий беспорядок? — босс смотрел на пол, переступая через листы. Оказавшись в комнате, он замер на полуслове, глядя, как Денис надевает свою толстовку. — Твою мать! Денис! Какого?!

— Ты не так всё понял. — Денис суетливо натянул на себя толстовку и повернулся к Юрию. Его голос звучал тихо и отстраненно.

— Seriously? — босс кинокомпании повернулся к своему сценаристу. — Саша? Моя хорошая?! Но ты то?!

— Юрий Викторович. Мы только обсуждали сценарий. — ее голос звучал холодно.

Сашины мысли были заняты тем, что ее сценарий так пренебрежительно валялся на полу. И более того — ей приходилось ходить по нему. Просто смотреть было невыносимо. Но и встать на колени при двух мужчинах... ползать по полу и собирать листы сценария — она не могла себе позволить.

— Seriously?! — оба мужчины посмотрели на девушку и одновременно это произнесли.

— Ничего не было. Если бы было... стали бы мы замораживаться и заправлять кровать? — в ее голосе была холодность и уверенность.

Юрий Викторович и Денис, они оба медленно перевели взгляд на кровать.

— А я думаю, что вы просто не успели даже пройти в номер. А потом ушли в душ. И вот тут появился я! Уж «извините», что прервал! — босс сам не понял, зачем он так сар-

кастично и подробно объясняет всё происходящее в номере.

— Ладно, хорошо. — Саша медленно и уверенно отвечала, понимая, что спорить сейчас бесполезно. И по большому счету она добилась того, чего хотела. Фильм снимут. Денис сам отстранился от нее. А если и будут слухи, то наплевать. Она продолжила говорить надменно и нахально. — Да. Я за-тащила Дениса к себе в номер и изнасиловала. Насиловала долго и качественно. Мне понравилось. Он хорошо справился. Было очень... насыщенно. Например...

Где-то в глубине подсознания страх, возмущение, негодование — заставляли её атаковать. Жестко, грубо, беспощадно. И нахождение двух мужчин в её маленьком номере отеля — давило физически. Она ощущала это слишком ясно и четко. Девушка едва заметно поправила халат, проверяя надежность завязанного пояса.

— Так. Стоп... Стоп! Это была лишняя информация! — босс резко прервал ее, поняв, что Саша сейчас начнет рассказывать пикантные детали. Вот только смачных подробностей ему не хватало! Ему не хотелось вмешиваться и разбираться. Девушка выглядела уверенно, а его друг был на удивление тихим и даже... покорным? На данный момент это не мешало проекту. Босс продолжил более мягко. — Вы уже оба взрослые и адекватные люди... Давайте вы сами... без моего участия.

Юрий Викторович машинально обдумывал, как сработаются эти двое. Как будет взаимодействовать это живое, го-

рючее, опасное и дорогое сырье. И уже прикидывал убытки от возможного срыва контракта с Денисом, сравнивая их со стоимостью замены сценариста. Цифры говорили сами за себя. Но и терять талантливую девочку ему не хотелось. Отступить и не вмешиваться — не было трусливой попыткой сбежать или избежать решения. Всё было ясно. Это было решением дать этим двоим разобраться самим. Шанс был минимален, но был.

Саша бросила взгляд на Дениса и осознала, что не понимает его реакцию. Он не спорил, но и не поддержал её. Она не понимала, о чем он думает и чего хочет. Ей так просто было залезть в головы своих героев, в их мысли, эмоции, желания. А сейчас — Денис был далеким, непонятным чужим. Ее метод #sign3Wall продолжал выдавать жуткий сбой.

Она перевела взгляд на босса, и тут всё было очевидно:

#Глаза — избегает прямого взгляда.

#Рот — напряжённо улыбается

#Руки — поправляет воротник.

Юрий Викторович был как открытая книга — он не хотел в это влезать. Отсюда и этот нервный жест с воротником, и взгляд в сторону. Он явно считал секунды до своего побега.

— Могу еще раз повторить: я готова с ним работать.

— Отлично. — Юрий Викторович ответил сдержанно. Он сам не понимал, зачем полез сюда. Вроде бы проверить свой «актив» — и сценариста, и звезду. Его секретарь сняла для Саши этот номер, поближе к офису. Поэтому как руководи-

тель, он просто хотел убедиться, что проект не затормозит. Удостовериться лично, что инвестиции не горят. Но сейчас это выглядело идиотизмом. Сейчас его дело было сделано — он свел двух продюсеров. Актера и сценариста. Но что-то было не так.

— Именно так. — Саша ответила, а Денис понимал, что его она не просто вывела из себя. Девушка унизила его перед Юрием. Она искажала реальность. Уродовала происходящее. Обесценивала. И это вдруг стало еще более оскорбительно.

Для Дениса её слова не были защитой — только нападением. Унижением. Искажением реальности в угоду её правде. Мысль о том, что она может чувствовать себя голой и уязвимой в этом халате, даже не мелькнула. То, что она могла дискомфортно чувствовать себя одна в номере отеля с двумя взрослыми мужчинами. Перед двумя мужчинами, которые были для нее недосыгаемыми Богами на Олимпе.

Он видел перед собой не девушку, не сценариста, а Силу. Давящую, обезоруживающую силу, перед которой его собственная ярость оборачивалась странным, позорным подчинением. Денис хотел дико избавиться от этого чувства! Стряхнуть с себя... даже смыть! Всё внутри закипало, но он не показывал этого.

— Тогда... думаю, в моем присутствии нет необходимости. — Юрий Викторович попытался пройти к дверям.

— Стой! Я с тобой! Мне нужно кое-что обсудить. — Де-

нис быстро среагировал, впервые участвуя в разговоре.

— Да? — босс удивленно ответил, но не стал спорить. — Хорошо.

Саша наблюдала за мужчинами. Она испытала невероятное облегчение, что Денис собрался уйти.

Мужчины уже были около открытой двери, как Денис вдруг обернулся. Но девушка видела только огромные мужские ботинки, которые топтали её сценарий.

— Подожди, я сейчас. — Юрий кивнул в ответ и вышел из номера.

Денис быстро подошел к Саше так близко, что почти касался губами ее уха, начав говорить.

— Я не твой пустой сосуд, который ты наполняешь своими иллюзиями. — понизив голос, он злобно шептал. Уверенно, четко, не торопясь, но и не растягивая паузы.

На мгновение она ощутила облегчение, чувствуя тепло его тела и его запах. И то, что он отгородил её от этой ужасной картины перед глазами — её сценария, разбросанного на полу.

Однако каждое его слово, словно удар хлыста, звонкого и мощного — методично уничтожало эту иллюзию безопасности.

— Ты слабая, беспомощная и наивная глупышка. Если ты написала один хороший сценарий — это не означает... Ты всего лишь сценарист. Никто. Ты не Царь и Бог киноиндустрии. Я слышал твой разговор с Юрой... — В его голосе

была надменность, уверенность и дикая злоба. — Слышал, как ты прогнулась и согласилась сделать всё, чтобы я был в проекте. Так что весь твой фарс глуп и бесполезен. Я точно знаю, что ты готова на всё. Что ты сделаешь для этого всё! Посмотри на себя. Ты затащила меня к себе в номер, где ты голая и доступная. А теперь предлагаешь себя как дешёвка! Я не твоя игрушка. Не твоя вещь и не твоя собственность. Никогда больше не смей видеть во мне только своего персонажа. Это ты игрушка в моих руках. Это ТЫ сделаешь всё, что я скажу. Ты поняла?

Саша не могла думать ни о чем. Её сознание словно потерялось во тьме. Тьма обволакивала ее, пожирая снаружи и изнутри. Как вспышка, её пронзило осознание — он был в офисе, когда она разговаривала с боссом по телефону! Он стоял в дверях и всё слышал! Вот почему так странно секретарь смотрела на него! Секретарь просто застучала его в дверях конференц-зала, когда Саша говорила по телефону! Чертова привычка говорить по громкой связи!

Он едва отодвинулся и посмотрел ей в лицо.

— Ты поняла?! — его голос звучал еще тверже и требовательнее.

Её сил хватило только лишь немного кивнуть в ответ. Она даже не могла поднять голову и посмотреть ему в глаза. Только лишь бы всё это закончилось. Как можно скорее. Последнего заряда ее внутренней батареи хватило только на этот кивок. Он словно выдернул шнур её питания быстрым мощ-

ным рывком, по-варварски выдрал с розеткой из стены. И унизительно бросил у ее ног. Он словно выкачал всю её энергию и перекрыл доступ к новой. Она не поняла и не зафиксировала, как он развернулся и ушел.

Денис закрыл за собой дверь гостиничного номера Саши, не поняв, как он оказался снаружи. Как вытер ладони о джинсы, казавшиеся перепачканными в чем-то липком. На мгновение он замер, пытаясь притормозить внутри какую-то бешеную гонку вперед. Его что-то заставляло сметать всё на своем пути, не давая остановиться. Он не контролировал свои слова, не контролировал свои действия.

Неуправляемый хаос внутри заставлял действовать бессознательно. Но даже осознав, еще внутри номера отеля... еще когда только начал говорить все эти ужасные слова — он уже понимал: он не может остановиться. Он должен сказать. Даже если это было дико неправильно. Впервые в жизни он четко ощущал, чего делать не должен — и не мог не сделать.

И мужчина даже не понимал — КАКОЙ механизм он сейчас запустил. Какой по мощи движок только что безумно взревел, набирая огромные обороты.

Внутри Дениса бушевали эмоции, заглушая логику, адекватность и любое рациональное поведение. Он не понимал, как эта девушка вообще смела так с ним разговаривать и вести себя. Она как вирус проникла внутрь и атаковала все его системы функционирования, вызывая ярость, негодование, непонимание и дикое раздражение.

Он уже жалел, что сорвался. Это было непозволительно, непрофессионально и жестоко. Мужчина четко осознавал, что был не в праве — но эмоции были сильнее. Легко говорить «так делать нельзя» — когда ты спокоен, рационален и отстранен. А когда внутри всё стораёт от непонимания и возмущения — это невозможно.

— Фак! — он выругался, даже не понимая, что говорит негромко, но вслух. — Она просто сценарист. Она всего лишь сценарист! Глупышка переживает это... Переживает.

— Чего застрял? Ты идешь? — голос друга, раздавшийся из конца коридора отеля, выдернул его из хаоса эмоций.

— Да... Да! Иду. — и Денис шагнул прочь от двери гостиничного номера.

Оставшись одна, Саша ещё некоторое время стояла и смотрела на закрытую дверь номера. И на страницы, разбросанные по полу в коридоре. Её энергии сейчас хватало только на базовое функционирование. Стоять. Смотреть на дверь. На пол...

Слишком много и очень быстро всё произошло. Слишком. Она буквально пять минут назад стояла в офисе босса, а сейчас была одна, под этим жутким грузом событий и даже не пыталась осознать, что произошло. Не могла.

Не понимая, что она делает, Саша медленно опустилась на пол. Словно стекла вниз и встала на четвереньки. Она ползала по полу и собирала по одному листы своего сценария.

Собрав всё, девушка села прямо на полу в коридоре, рас-

правила страницы и прижала к себе, обнимая. Ее взгляд начал перемещаться по пространству номера, словно пытаясь найти что-то знакомое. Но вокруг были лишь пустые, чужие стены. Она едва покачивалась, словно пытаясь убаюкать пачку бумаги в своих руках. Внезапно её взгляд остановился на его кружке, оставленной на столе. Той самой, из которой Денис пил свой кофе. И в тот момент ей было так комфортно и приятно...

Но сейчас было очень больно. Больно настолько, что опустошало.

Она поняла, что сделала это. Она неосознанно слепила из него того, кто сможет сыграть её персонажа. Больше не нужно переживать, что тот, кто будет руководить съемками, не сможет заставить Номера Один показать ЭТО. Показать всю тьму и боль. ЕЕ боль. Как Актер — он будет идеален.

Саша внезапно с облегчением выдохнула, ощутив одиночество. Одиночество человека, который привык создавать миры, потому что не может справиться с реальностью. Это сладкое ощущение, которое было комфортным и безопасным. Её подсознание требовало избавиться от этой боли и дискомфорта. Но буря внутри, вызванная реальностью, страхом, недоумением, болью — сметала всё внутри нее. Единственным желанием было заглушить всё это. Забыть. Стереть. Удалить из сознания.

Отключение энергии привело к странной перезагрузке.

Встав с пола, она подошла к столу и осторожно протянула

руку к кружке. Второй рукой продолжая прижимать к себе сценарий. Не допив, он оставил почти половину ароматного напитка.

Было ощущение, что она делает что-то неприличное. Но Саша была одна в номере. Она не просто это знала, она чувствовала это. И физически ощущала, как буря рассеивается. Как становится тихо и пусто. Уютное, комфортное ощущение одиночества согревало.

Дотронувшись до кружки, еще горячей, она взяла её, поднесла к губам и сделала первый глоток из ЕГО кружки. Потом еще. Она растягивала удовольствие, закрыв глаза.

Но как только она допила его кофе — девушка поставила кружку на стол и отвернулась. Она умела приходить в себя. Всегда умела. Она словно стирала из памяти всё негативное, оставляя только безопасные воспоминания.

Однако одно девушка знала точно. Она больше не приблизится к нему и не даст ему приблизиться к ней.

Саша аккуратно положила листы сценария на край стола. Надела большие наушники и привычно включила песню Jenu Vesna «Живи как хочешь». Переделась в шорты и футболку. Некоторое время она плавно покачивалась, глядя в окно и вслушиваясь в мелодию. Ей нравилась эта мелодия. Этот бит и такое обволакивающее звучание мелодичного голоса. И этот диссонанс — нежного ласкового звучания и безжалостных требований текста песни. Требования общества.

Ей была созвучна каждая строчка песни. Каждое слово

словно огнем выжигало всё внутри. Эти беспощадные, уничтожительные даже злые требования к ней... к любой девушке и женщине.

Невольно... с самого детства — она пыталась соответствовать всем этим требованиям. И она жила именно так. Всё общество, сами женщины навязывали это поведение. Свобода, феминизм — были иллюзией свободы. Ужасающей, кривой иллюзией. Ни одна женщина не была свободной. Каждая подчинялась уродливым стереотипам, вбитым в подсознание. Каждая вела бой не системой патриархата, а с собственным Я, выдрессированным годами подсознанием, которое жестко указывало КАКОЙ НАДО БЫТЬ для общества и мужчин.

Девушка даже не осознавала, насколько глубоко укоренилось это в ней. Эти требования — уже не звучали чужими приказами. Она сама приказывала себе голосами матери, бабушки, подруг, интернет-гуру. Думая, что это ЕЁ выбор. Это была выученная наизусть программа выживания в мире, который тебя... не любит.

И Саша понимала это где-то в глубине себя. Ясно и четко. Что ее не любят, что она не нужна. Девушка не анализировала, не пыталась понять — она просто чувствовала это каждой клеточкой. То, что заложили в нее с самого детства. Это было настолько привычно и знакомо, что казалось нормальным.

И звучавшая песня была не просто набором слов, а оглу-

шительным потоком предписаний. Бесконечный, изматывающий список того, какой надлежало быть женщине. Любой женщине. Голос в наушниках шептал одно требование за другим, не оставляя ни секунды на передышку. Эти приказы требовали быть идеальной во всем: в быту, в карьере, а отношениях... во всем! Её тело, её эмоции, её время — всё должно было подчиняться чужим ожиданиям. Мужским ожиданиям! Ей велели улыбаться, когда тяжело, прощать, когда больно. И всегда, без права на усталость — соответствовать.

А потом, сквозь этот гул, прорывался срыв. Короткая, но яростная команда остановиться. И главный ответ на весь этот шквал требований — жить по своей воле. Один-единственный, но бескомпромиссный призыв оставить её в покое. Саша сама не понимала как, но этот единственный призыв действовать по СВОИМ правилам, программировал ее подсознание, давая невероятную силу.

И снова список продолжался, диктуя, как ей следует выглядеть, как себя вести, как совмещать несовместимое. Но теперь, после каждой порции абсурдных правил, звучал тот же самый освобождающий рефрен, набирая силу с каждым повторением, пока не обрушивался финальным, исчерпывающим ультиматумом.

Саша вдруг приняла это на подсознании — она станет такой. Она использует систему, которая давила и уничтожала ее. Использует все эти правила, все эти требования. Она станет такой, какой ей предписывали быть. Чтобы обратить эту

силу против всего мира.

Песня играла на повторе. Снова и снова. Девушка танцевала в пустом номере отеля, словно примеряла на себе все эти «образы».

Саша слушала, а подсознание, глубинное, загнанное в угол — разрабатывало четкий план. Программу выживания. Её подсознание не просто вслушивалось в слова песни. Оно вслушивалась в этот четкий и емкий катехизис, проводя инвентаризацию оружия, которое мир обнажал перед девушкой. Её подсознание изучало вражеский код. Читало инструкцию по собственному угнетению. И это решение пришло само... такое простое и ужасающее. Её психика, словно антивирус, завершила сканирование враждебного кода. На экране внутреннего зрения высветилось единственное возможное действие: **УСТАНОВИТЬ И ВЫПОЛНИТЬ**.

Девушка посмотрела на себя в зеркало и увидела запертую, ранимую... себя.

«Хорошо. Вы хотите, чтобы я была ВСЕМ ЭТИМ? Я буду. До самого конца. До абсурда. До того момента, пока это чудовище, которое вы из меня лепите, не раздавит вас самих!»

Она сама не осознавала этого нового восприятия, поведения, осознания. Саше вдруг показалось, что она увидела, как в отражении по её щеке катится слеза. Но её собственные глаза были сухими... и безжизненными. Программа «Идеал 2.0», запрограммированная на уничтожение, приближалась к окончанию установки...

Её внимание переключалось с одного на другое. Саша села за ноутбук и внимание вернулось к татуировкам Дениса. Её чутье и уже похороненные отголоски памяти подсказывали, что она обязана включить сцену с татуировками Дениса.

И она это сделала. Прописывая каждую деталь. Погружаясь глубже и глубже. Музыка в наушниках глушила лишние мысли.

Сознание странная штука. Её — стало категорично игнорировать воспоминания о том, что Денис был здесь, в ее номере. Она красочно описывала его татуировки и свою трагическую историю о них, словно видела их на фото, а не в живую. И чем подробнее были детали о его татуировках, тем больше стирались воспоминания о его реальном присутствии в её номере.

Девушка планомерно, неотвратимо перепрограммировала себя с помощью песни, текста сценария, используя этот механизм для создания защиты своему сознанию.

3. Pre-Production. Власть

За окнами стемнело. Саша проигнорировала наступление ночи. Включила свет в номере и продолжила работать. Иногда отвлекалась, что-то обдумывая или перечитывала то, что получилось. Обсуждала со своим любимым искусственным интеллектом некоторые моменты, углубляясь в анализ сцен. Не позволяя ему самому что-то придумывать, она лишь спрашивала его цифровую, бездушную, но такую безопасную оценку результата ее работы.

ИИ стал для нее идеальным зеркалом, которое отражало только её собственные мысли, не добавляя своих или чужих. Девушка даже спорила с замечаниями и анализом ИИ, отстаивая свою точку зрения. И искусственный интеллект отступал под натиском ее аргументов.

Иногда она вставала, чтобы размяться и даже пританцовывала, вслушиваясь в мелодию, прижимая крепче большие наушники к голове.

В очередной раз, когда она стояла около стола, среди ночи, вдруг раздался звук пришедшего письма на электронку.

Саша открыла вкладку входящих писем почты и замерла. С рекламного баннера, занимающего почти четверть экрана вкладки входящих писем, на нее смотрел Денис Никитин.

Непроизвольно она едва отступила назад. Это была реклама одежды или часов — она даже не поняла. Лишь смотрела

на то, как ОН внимательно смотрит с экрана ноутбука на нее.

Это лишь фото. Просто картинка. Он не был настоящим. Просто... изображение. Саша медленно открыла письмо и прочитала. Сначала раз, потом второй.

Сухой, официальный тон письма информировал о плане мероприятий по подбору сотрудников, локаций, проведению кастингов.

Отправителем был сам Денис Никитин. Стандартная подпись, с указанием номера телефона. Видимо личного. Она быстро свернула вкладку входящих писем. И тут же ее открыла снова. На новом баннере с рекламой было изображение с какой-то косметикой. От облегчения девушка едва выдохнула.

Саша вдруг задумалась — а есть ли у него её номер? Даже если и был, он им не воспользовался. Она не стала отвечать на его письмо.

Вернувшись к работе, она просидела до утра, но закончила правки. И когда солнышко заглянуло в окна ее номера, девушка наконец закрыла ноутбук и потянулась.

Подойдя к столу с кофемашиной, она увидела две кружки на столе. Саша замерла и протянула обе руки, взяв одну кружку в правую руку, а вторую — в левую.

Переводя взгляд с одной кружки на другую, она пыталась понять, зачем она заваривала себе кофе в ДВЕ кружки. Присутствие Дениса в её номере было вымещено из её сознания медленно, но неотвратно. Стресс, бессонная ночь накатили

жутким отупением. Саша поставила обе кружки на стол... и взяла третью, чистую кружку.

Заварив себе кофе, она прошла к окну и с наслаждением пила ароматный напиток, рассматривая Финский залив за окном.

Она решила быть сильной. Она вынуждена быть сильной. Или она просто сделает вид. Главное, не показать никому свою слабость, страх и трусость.

Поэтому спустя пару часов Саша стояла в приемной Юрия Викторовича. Снова в деловом костюме. Снова в белоснежной блузке и идеально убранными волосами в строгий пучок.

Ей было страшно. Но в тоже время она заставила себя игнорировать этот страх. Девушке нужен был контроль. Не власть, а именно контроль, чтобы обезопасить себя. Однако если бы кто-то сейчас её спросил — она бы даже не пояснила, почему сейчас делала то, что делала. И что собиралась сделать... Её подсознание диктовало ей: она должна защитить свой сценарий от всех и всего. Должна защитить... себя.

— Александра Николаевна, нужно было договориться о встрече заранее. У него другая встреча. — секретарь искренне хотела помочь, но это было не в ее силах.

— Я подожду. Только... сообщите обо мне.

— Да. Конечно.

Саша обошла приемную, положила рюкзак на диванчик для посетителей и подошла к окну. Она любила Питер. Любила его неспешность и утонченность. Ей было комфортно

быть здесь. Она хотела быть здесь. Мечтала и писала именно об этом городе. Она вновь смотрела на потрясающую панораму за окном. Но сейчас, она пыталась представить, как стоит не за окном, а на горе — и не могла. Вчера это было легко. Сегодня — невозможно. И после бессонной ночи, она не могла проанализировать почему. Она просто осознавала, что не может этого сделать. Не понимала, что Денис Никитин сломал не только ее систему трех, но и возможность видеть реальности.

Она продолжала стоять за толстым стеклом и никак не могла почувствовать эту силу, ветер на щеке и власть над реальностью. Над СВОЕЙ реальностью.

— Александра Николаевна?

Вздрагнув, Саша обернулась.

— Юрий Викторович Вас ждет.

Едва кивнув, девушка прошла к дверям кабинета, понимая, что отключилась и даже не заметила, что посетители, которые были у босса кинокомпании уже ушли.

— Ладно, давай рассказывай, зачем я из-за тебя народ прогнал? — Юрий Викторович хоть и упрекал Сашу, но шутил.

Она снова ясно это видела:

#Глаза — доброжелательно прищурены.

#Рот — уголки приподняты в полуулыбке.

#Руки — лежат на столе, пальцы расслабленно сцеплены.

— Думаю, что Вы сами хотели от них избавиться, а тут

такой хороший повод. — Саша улыбнулась, зная, что права.

Она остановилась у кресла для посетителей.

— Садись? Чего стоишь? — он улыбнулся чуть шире.

— Не могу, я по-быстрому доложу и пойду.

— Погоди-ка! — Босс даже наклонился немного вперед, облокотившись на стол и посмотрел пристально в глаза Саши. Она сначала не поняла, что произошло. — Ты в порядке? Что у тебя с глазами?

— Я в порядке, не спала просто.

— Ты совсем свихнулась?

— Нет. Я и пришла сказать, что вчера мы... Вы же сами сказали пообщаться. В общем мы встретились вчера в офисе, обсудили некоторые моменты, и я внесла исправления с поправкой на актера.

— На Дениса?

— Да.

— Отправила бы на электронку и выпалась!

— Нет. В смысле... я сейчас пойду. Но мы должны обсудить еще кое-что.

Саша нервничала и явно пыталась собраться с мыслями. Однако босс чувствовал в ее словах какую-то отчаянную решительность и уверенность.

— Что именно? — он едва улыбнулся.

— Не говорите сразу «нет». Сначала обдумайте. — голос звучал чуть тише, но твердо.

— Даже так?

Юрий Викторович наблюдал, как девушка собралась с мыслями и посмотрела на него.

— Вам нужно сделать меня режиссером этого проекта. — ее слова прозвучали уверенно и твердо, без тени сомнения.

— Это... нужно мне?! Тебе мало и сценаристом быть, и продюсером?

— Да. — она смотрела прямо на Юрия Викторовича и говорила уверенно и твердо. — Этого недостаточно.

— Ты серьезно?

Она стояла, оперившись на спинку кресла для посетительниц ладонями и наклонившись чуть вперед. Саша не выглядела как проситель. Она говорила на равных, подбирая настолько правильно слова, что Юрий Викторович внимательно слушал, неожиданно для себя — любуясь этой девочкой.

— Да, я серьезно. Очевидно — я новичок, без опыта. И Вас могут не понимать и говорить, что я: и ничего не знаю, и не умею, и не справлюсь. Что нельзя какой-то девчонке поручать весь проект.

Мужчина с интересом наблюдал за своим сценаристом, но откинулся назад в кресле, хотя продолжал внимательно слушать Сашу.

— Но именно в этом мои плюсы. Я стану триггером для зрителя. Это привлечет больше внимание к проекту. В работе я не буду действовать по шаблону. У меня нет ограничений в том, что... — она буквально она мгновение замолчала, но тут же продолжила. — Пчелы, с точки зрения аэродина-

мики не могут летать. Но летают. Этот улей — мой. Только я знаю, КАК именно должно всё сработать. Каждая сцена, каждый кадр. И я выжму все соки, весь мед до капли сначала из актеров, заставив их пахать. А потом заставлю зрителя испытать то, что он никогда в жизни не испытывал. И конечно же заплатить за это, сделав кассу. Мой фильм станет новым «Психо». И Вы это понимаете. Что только я смогу его снять!

Неожиданно для самого себя, Юрий Викторович едва кивал головой, соглашаясь с ней. Саша замолчала, уверенно глядя на него.

— Ты настолько уверена в себе? На все сто процентов?

Юрий Викторович всё больше и больше видел в этой хрупкой девочке — свою младшую сестру. Такую упрямую, такую уверенную и порой просто твердолобую! Они не были похожи внешне, но внутренне! Слова, интонации, даже целые фразы. Он словно видел свою младшую сестренку прямо перед собой.

— Нет. Не уверена. Уверены в себе на сто процентов только полные идиоты! Но сомнения — это нормально. Я на сто процентов уверена в своем проекте. Это настоящая бомба! Пушка! И вы это знаете! Доверить кому-то, кто до конца не поймет — это провал. Это глупо. А Вы — явно не такой! Юрий Викторович, Вы бы не стали главой компании и тем более не смогли бы удержать на плаву этот «атомный ледоход», если бы не доверяли своему чутью. И сейчас Ваше чутье точно говорит Вам, что я стану Вашей самой трудолю-

бивой пчелкой и реализую этот проект, организовав работу всего моего улья.

— Допустим. — он на мгновение замолчал, хотя на самом деле уже понял, что хочет довериться этой девочке. — Но ты понимаешь, что твоя ставка режиссера будет значительно ниже заложенной в бюджет?

— Логично. Ожидаемо. Приемлемо. Тогда увеличим бюджет на музыку.

— Твою мать! Ты прешь как танк!

— Это от меня и потребуется.

— Он знает? — он произнес это немного нерешительно.

— Кто? Денис? Еще нет. Я могу сообщить сама. — Саша ответила как можно безразличнее, понимая, что ее реакция может изменить решение босса. — Он же хочет в этот проект.

— Да. Только о тебе и говорит. Когда мы вчера ушли...

— Он может говорить что угодно. Но я на работе поддерживаю только рабочие отношения.

— Серьезно? А как же ты, он... твой номер в гостинице?

Саша недоуменно смотрела на Юрия Викторовича. Его вопрос застал ее врасплох, и она просто не смогла скрыть удивление. В ее воспоминаниях в ее новых безопасных воспоминаниях о вчерашнем дне всё было просто. Она встрети-лась вчера с Денисом в офисе и позорно сбежала. Лифт закрылся, и она была спасена. А потом увлеченно писала всю ночь в своем номере. Она искренне не понимала, о чём го-

ворил босс.

Мысли вдруг закружились калейдоскопом в голове. Ее фантазии о Его объятьях. Ну да, логично — она регулярно представляла, как Денис дотрагивается до нее, как целует. Она попыталась отмахнуться от этих, таких реальных, фантазий. И спрятать подальше в сознании.

— Какой номер? — ее голос звучал едва удивлённо. И Саша изо всех сил старалась говорить непринужденно. Она продолжала умело скрывать свои эмоции.

— Понятно. Не важно. Всё в рамках рабочих отношений. Отлично. — босс быстро перевел тему, хотя ему стала очевидна странная реакция Саши.

— Конечно. Только так и никак иначе. Я не позволю сделать из себя... тень. Его тень.

— Хорошо. Тогда... придется тебе из номера съехать на съемную квартиру. И вообще... ты говорила, что планируешь сюда переехать?

— Да, но пока не до этого.

— Слушай, а если я вместо квартиры предложу наш трейлер? Большая их часть должна быть на выезде, но несколько штук на студии точно есть.

— В смысле? На территории студии пожить?

— Да. Экономить на тебе, так экономить! И будешь рулить своим ульем прям круглые сутки.

— Так мы... договорились? — Саша ради кресла режиссера была готова жить хоть в палатке перед студией, но трей-

лер был шикарным предложением.

Юрий Викторович молчал несколько секунд, делая вид, что обдумывает. Хотя на самом деле он точно знал, что уже принял это решение.

— Черт! Да! Скажи, чтобы оформили документы. И, иди отоспись! Скоро такой роскоши у тебя не будет.

Девушка ликовала. Не пытаясь доказать миру и боссу, какая она уникальная и что «любите меня такой, какая я есть». Не пытаясь бороться с системой. Не используя «мужские» маски в мире мужчин, она надела маску «женского идеала» — выработанную самой этой системой. И победила. Это интуитивное поведение дало первый настолько оглушающий результат.

— Спасибо! — Саша улыбнулась, но вдруг стала серьезной. — Тогда еще одно, в целях контроля... Да что уж там! Чтобы откровенно манипулировать группой и управлять, можете пока не озвучивать моё назначение? Я должна сама.

— Ладно. Ты только группу сильно не запугивай, а то мне вчера хватило...

Девушка лишь едва кивнула, улыбаясь и вышла из кабинета. Юрий Викторович набрал секретаря.

— Никитина позови. Пусть обязательно сегодня заедет. Нужно обсудить пару вопросов. Лично. В любое время, когда он сможет — освободи мой график. Мы ненадолго.

Саша шла к себе в номер, обдумывая ситуацию и слова босса. Она справится. Должна справиться.

Зайдя в номер, она присела на край кровати и сняла обувь. Уговаривая себя, что сейчас разденется, но прежде закроет глаза на пять минут. Буквально на пять минут... Она легла и тут же уснула.

Денис открыл двери кабинета Юрия Викторовича.

— Привет, Юр. Вызывал? — Денис в шутливой форме обращался к другу, соблюдая при этом их роли. — Это так важно, что мы не могли по телефону поговорить?

— Да, слушай... — как было сказать, что он хотел увидеть реакцию Дениса? — О вчерашнем...

— Ну нет! Ничего не было. Если она готова работать, я тем более! Я уже отправил ей план мероприятий. Она... отказывается?

Денис прошел в кабинет, пожал руку Юрию, приветствуя и привычно уселся в кресло для посетителей.

— Нет. Но ты, как продюсер, должен знать. Во-первых, она была у меня сегодня.

— Хотела отказаться?

— Да что ты заладил: «отказаться, отказаться»! Как она от своего детища откажется?!

— Извини, не подумал.

— Не подумал он! А надо подумать. Итак, она пришла и сказала, что у вас ничего не было.

— Я об этом и говорю.

— Но она сказала, что вы общались только здесь, в офисе. И отрицала то, что вы были в ее номере.

— Серьезно? Даже так?

— Да. Имей это в виду. Я говорю с тобой как с продюсером. Не травмируй девочку. Знаешь, все эти творческие личности... они выдают шедевры, но их нужно опекать. Тем более её. Она сказала, что ты не был у нее в номере. Хочет делать вид, что ничего не было. Поэтому ты так и будешь делать. Понял?!

— Я понял. — Денис пытался вести себя по-деловому, но вдруг понял, что это слишком отстраненно, поэтому улыбнулся. — Понял, принял, босс! Что-то еще?

Босс улыбнулся в ответ.

— Еще... Она потребовала кресло режиссера.

— Для кого? — Денис настолько не был готов к такому повороту, что непринужденно спросил.

— Для себя.

Юрий внимательно следил за своим другом и коллегой. Это был ключевой момент. Ему нужно было понять сработаются эти двое или нет. Если нет, то смысла вкладывать в это деньги не было.

— А ты? — Денис небрежно ответил, хотя ощутил четко противоположные желания. С одной стороны, в его голове звучали ее фразы «Иди за мной», «Отвернись», «Поддай халат». И её голос. Такой властный, требовательный. Эта девочка владела ИМ и ему это нравилось. Даже возбуждало. И в тоже время, он ощущал эту катастрофичную пропасть между ними. Они словно магниты они притягивались и тут

же их отбрасывало в разные стороны!

Вдруг часть его сознания запаниковала. То, что он ей наговорил — это было даже хуже того, что он сделал! А ведь он чуть не изнасиловал ее! Но он не станет её пустоголовой маррионеткой. Ему хотелось подчинить себе. Быть главным. Но её новый статус режиссера — лишал его этого. Починяться любому другому он мог легко.

Но не ЕЙ. Не после его вчерашних слов! Это означало катастрофу! Она собиралась мстить?

— Я согласился. Это ЕЁ проект. Целиком.

Слова босса звучали спокойно и уверенно.

Денис быстро встал и подошел к окну за спиной своего друга. Он бессознательно попытался увидеть то, что ОНА видела за этими окнами. Но его уязвленное самолюбие билось в истерике. Вчера он унизил ее. Жестоко. Безжалостно. А она... стала режиссером. Мыслимо ли это?! Он даже в полном бреду не мог такого себе представить. И не осознавал, что именно его собственные действия привели к этому.

Юрий Викторович молчал, давая своему другу осмыслить происходящее. Назначение Саши на такую должность — неизбежно влекло сложности, но и плюсы однозначно были. Он перевел взгляд со спины Дениса, смотревшего в окно на небольшое фото своей сестры на своем рабочем столе.

— Это из-за нее? — голос Дениса прозвучал резко, грубо и возмущено.

— Что?

— Из-за НЕЕ ты назначил эту малолетку режиссером? — Денис едва кивнул в сторону фото, стоящее на столе босса.

— Нет. В смысле... — Юрий вдруг растерялся. Он видел в Саше отголоски своей сестры, но не думал, что это будет так очевидно.

— Она мертва. Ты её не вернешь, какой бы табун девиц не приволок! Та авария была дикой случайностью, и ты ничего не изменишь. И никогда её не заменишь! Ты тратишь бешеные деньги на аренду этого офиса только для себя, как для главы компании, только потому что ОНА хотела бы этого! Хотя логичнее было бы работать на студии! И вообще в Москве, а не в Питере! А теперь ты спустишь огромный бюджет на малолетку только потому, что она напоминает тебе сестру?!

Денис бил словами, нанося точные, болезненные удары. И Юрий слушал, понимая, как в нем все закипает, он даже резко встал, оказавшись напротив — очень желая ударить своего друга. Но вдруг осознал всю бредовость ситуации и замер, словно обмяк.

— Не заменю. — его голос прозвучал тихо. Очень тихо. — Никто не заменит. И ты прав. Сестра бредила этим зданием, этим центром... Питером. Но Денис... эта девочка не из тех выскочек, у которых толпы подписчиков, но которые по сути — пусты и никчемны. Сиюминутный шум. Сейчас тотальное большинство, как петарды. Взорвались и всё изгадили вокруг. Или даже покалечили, не оставив после себя

ничего ценного. Ничего. Саша — алмаз. Она алмаз, который сформировался под диким давлением и который ты никак не можешь разглядеть. Хотя чувствуешь это. Именно поэтому тебя интересует ЭТОТ сценарий. Сколько раз ты уже перечитал его? — Юрий спрашивал, но не ждал ответа, точно зная, что Денис перечитал не один раз. — Ты хоть раз задумался, откуда в ней столько боли и тьмы, которые оказываются в её строчках?

Юрий постепенно говорил всё тверже, но словно пытался пояснить свою позицию глупому ребенку.

— Я сделаю из неё брильянт. Ограню её. Её мозги, её идеи, сценарии и проекты будут моими проектами. — на мгновение босс вдруг замолчал и сказал тише. — Ты прав. Это больно, но ты прав. Саша напоминает ее. Не внешне, но это упрямство, сила. Невероятная сила внутри. И в тоже время — беззащитность. Это убойная смесь. Я правда думаю, что она это сможет сделать. Сделает. Она и тебя, и меня загонит под свой высокий и острый каблук!

— Ты сам мне подсунил этот чертов сценарий!

— Сам! И я не думал, что ты первым делом полезешь к ней в койку! Денис... какого хрена... Ну она же значительно младше тебя... Она же тебе... в дочери годится! Что ты творишь?!

— Да! Она! Черт! Она сказала — «иди за мной»! Вот так вот! Легко! Мне, представляешь? МНЕ! «Иди. За. Мной.» Я и попёрся, как послушный щенок!

Денис сам не ожидал, как озвучил свое недоумение. Он реально не понимал — как это произошло. Вот он в офисе, пытается разобраться в ее словах — и уже в номере ее отеля!

Юрий вдруг понял и едва улыбнулся. Эта девочка уже загнула их обоих под свой каблук. Она интуитивно была по слабым местам, добиваясь своего. Была мощно и жёстко. Точно зная свою цель. И Юрий видел это, поскольку его не обуревали эмоции, которые буквально пожирала Дениса.

— Да ладно! Серьезно? — Юрий спросил шутливо.

— Seriously, мать твою! Он обозвала меня Скрипкой Страдивари! Меня! Прикинь?!

— Это же комплимент? Нет? — Юрий едва удерживался, чтобы не рассмеяться, рассматривая своего друга. Но продолжил резко. — Денис! Об этом я и говорю. Ты посмотри на себя. Ты в панике, ты дезориентирован, она буквально разрушила твоё восприятие, а сейчас управляет им. Если она смогла это сделать с тобой... — слова босса прозвучали серьезно.

Денис смотрел на Юрия и понимал, что его друг всё решил.

— Я еще продюсер? — он едва язвительно спросил.

— Без тебя она не справится. Именно это я хотел сказать тебе лично. Не важно, что она будет командовать на площадке. Черт! Соберись уже! Возьми себя в руки! Успокойся. Ты гораздо опытнее и старше. Опытнее и, мать твою, старше! Направишь её и поддержишь. Ты сможешь управлять про-

цессом, дав ей возможность руководить. Ты можешь помочь сделать из нее брильянт. Или...

— Или?

— Она раздавит тебя. Это другое поколение! Другое восприятие! Ты... давай честно... ты динозавр. Вымирающий вид, закончивший Щуку, долго пробивавшийся через кастинги. Сейчас толпы малолеток с миллионными охватами, без опыта... да вообще без ничего, кроме подписчиков — делают кассу! Они в приоритете. И всем плевать хочешь ты этого или нет! Это чудо, что девочка написала своего персонажа... твоего возраста! Это последний твой шанс сыграть реально значимую роль. Главную, значимую роль. Она дала тебе для этого всё. Она меняет сценарий ПОД ТЕБЯ. И согласишься — сценарий шикарен! Поэтому... Ты либо сядешь в этот поезд, пока тебя в него приглашают. Будешь стоять у нее за спиной и помогать. Станешь её стабилизатором. Амортизатором, который гасит её перегрузки, чтобы она не разбилась о систему раньше времени. Либо сдохнешь на рельсах. И я лично помогу ей в этом. Учти это.

Слова Юрия прозвучали резко, жестоко и угрожающе.

Денис молчал в ответ. Где-то на подсознании — он понимал это. Реально хороший сценарий редкость. Его опыт и ее сюжет могут стать бомбой. Его друг был прав.

— Твою мать, Денис! Ты что, с бабой справиться не сможешь? — Юрий шутливо произнес, отступил и сел в кресло. — Тем более молодой, неопытной и вообще твоей фанаткой?

— Моей... чего?

— Точно. Ты же еще не читал правки. Скажу, чтобы тебе переслали. Она всю ночь работала. Хотя, по-моему, это в чистом виде фантазии о твоём теле.

Денис переступил с ноги на ногу, скрестив руки на груди, чувствуя себя неуютно. Как ОНА могла быть фанаткой? Тогда почему он видел не фанатку, а отстраненную, резкую и жестокую стерву?

— Но. Это между нами. Раз вы оба говорите, что между вами исключительно рабочие отношения — давай так это и оставим.

Саша проспала весь день. Проснулась, когда стемнело. Пытаясь не думать. Заставляя себя спрятаться от собственных мыслей. Она встала с кровати и прошла в ванну. Наконец сняв с себя строгий костюм, который ужасно помялся, она включила душ и встала под струи воды.

Теплая вода и полусонное состояние рисовали ей картинку в воображении. Как он стоит рядом... Или нет. Сзади. Что он стоит неподвижно и его одежда, в которой он был в офисе, намокает.

Физически она ощущала его присутствие и даже запах. То, что он стоит сзади и закрывает ее от всех и всего. Как гора, глыба за ее спиной, давая ощущение безопасности и свободы.

— Почему ты не можешь быть таким на самом деле? Уверенным... надежным... — она даже не поняла, подумала она

об этом или едва слышно прошептала. Её слова звучали как непонимание маленького ребенка. И Саша действительно не понимала. И только сейчас — наедине, могла позволить себе такой «детский» тон.

Поняв, что глупо представлять его в одежде в ванной, она представила, что он тоже раздет. Она стояла, едва покачиваясь, обнимая себя руками и ощущала, как он обнимает ее, стоя сзади. Как вода бежит по телу, как он прижимает её к себе.

— Я ведь не ошиблась? Не ошиблась? Ты ведь не сделаешь мне больно? Не здесь. Не сейчас. Правда?

Она спрашивала, понимая, что он не ответит. Но видела его улыбку. И здесь, сейчас — понимала его. Точнее — то, что она хочет на самом деле.

Если бы только она не чувствовала себя такой слабой и такой беспомощной! Ведь в реальности она никогда не окажется рядом с ним голым. Не проведет кончиками пальцев по его татуировке. Зато здесь и сейчас — в своих мыслях она повернулась к нему и шагнула навстречу. Заставила его отступить и прижаться спиной к стене ванной. Коснулась его татуировки. Её тело слишком хорошо запомнило, как это — ощущать прикосновения к его обнаженной груди. Эти подавленные воспоминания делали иллюзию реальной.

— Какая же я глупая... глупая, трусливая... Я знаю... тебя. Правда, знаю. Не твои роли и образы... не твои маски... Тебя, как человека. Как личность. Ведь в каждой роли ты от-

даешь часть себя. Хотя бы маленькую частичку... Я правда вижу эти крупички. Я не ошибаюсь...

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И пусть это всего лишь её фантазия! Она чувствовала, знала его.

— Не делай мне больно... Я просто хочу узнать... Тебя настоящего...

И она пыталась удержать в своем сознании его образ. Мужчину, на которого она смотрит, а потом касается его губ и жадно целует. И понимала, что это всего лишь её мысли.

Но в них он целовал её в ответ. Жадно и нежно. Требовательно и покорно. Она хотела, чтобы он подчинил её. Здесь в этом безопасном островке подсознания, она могла дать ему себя. Точно зная, что он не причинит ей боли и не заставит страдать. И девушка погрузилась в эти фантазии. Утопая, давая себя поглотить, чтобы...

— Завтра... — девушка едва слышно шептала самой себе. — Я смогу тебя отпустить. Я сделаю вид, что ты мне не нужен. Я смогу. Правда. Но... не сейчас...

Горячая вода и такая согревающая фантазия, укутывающая разум комфортом, сделали свое дело — в голове не было ни единой мысли. Лишь теплое, уютное ощущение безопасности. Она могла побыть сейчас собой — полностью беззащитной и ранимой. Без страха, что ее изуродуют и сломают. Ее настоящее Я, которое она бережно прятала от всех.

Её сознание не могло сейчас представлять или визуализировать другие реальности, миры или вселенные, чтобы хоть

как-то отвлечься. Ее мысли были полностью заняты ИМ. И чем больше она думала о нем, тем больше тонула. Но здесь... Наедине с собой — она могла позволить это себе. Чтобы завтра — научиться игнорировать его. Чтобы окончательно надеть на себя маску «женского идеала».

Выключив воду, она укуталась в халат и вернулась в постель.

На этот раз она не смогла отключиться и крепко уснуть. Она засыпала, просыпалась, снова засыпала. Сон превратился в какой-то чередующийся кошмар, но она пыталась снова заснуть, сбежать от мыслей. Однако это не получалось.

Ей снилось, что он грубо насилует её. Прямо в её номере, даже не дойдя до кровати. Её трясло от ужаса и одновременно от возбуждения. Липкий горячий страх заполнял всё внутри и заставлял сердце стучать как бешенное. Ей казалось, что она чувствует тепло его тела, его напряженные мышцы и запах... его чертов запах, который врезался в её память еще при первой встрече в конференц-зале.

Она вскакивала, пыталась отдышаться и представить, что он не такой грубый. И тогда ей слилось, что она сама вгоняет его из проекта, грубо и жестоко, как дворовую собачку. Но мгновение силы, власти и её триумфа во сне сменяло осознание пустоты и полного провала проекта. От этого ее трясло еще больше, и она снова просыпалась.

И так раз за разом, снова и снова. Признав, что ей больше не заснуть — Саша села на кровати и осмотрелась.

Девушка старалась медленно дышать, делая глубокие вдохи и выдохи. Контролируя свое состояние. Рассматривая уютный небольшой номер, из которого придется съехать. Она наслаждалась тем, что сейчас одна и рассветом за окнами её номера.

Обдумывая, что ей предстоит и как нужно вести себя с Денисом, она снова и снова повторяла себе, что всё правильно. Они переговорили в офисе. О её фантазиях никто не знает. У них чисто рабочие отношения. Этого и следует придерживаться. Письмо же было от него! Он готов работать. Так в чем проблема?

— Это просто сон... всего лишь сон. Ничего такого не было.

Но сознание активно пыталось как-то «обработать» и структурировать эти сны.

Игнорировать! Она просто будет это игнорировать. Она это хорошо умеет. Игнорировать боль, непонимание, отстраненность. Она просто будет делать свою работу. Ей дали редкую возможность. Не просто быть тем, кто что-то придумал. Она сможет воплотить свое виденье. Свою картинку. Ей поверили и дали шанс, и она это сделает. Саша ясно осознавала — это было невероятное стечение обстоятельств. Везение. Удача. Шанс того, что ей дадут снять самый фильм — был невероятно мал.

Осознание этого заставило её улыбаться. Предвкушение и волнение наполняли её сборы на первое собрание. Долж-

ны были присутствовать те, кто уже есть в основной команде. Продюсеры, кастинг директор, помощники. Нужно будет подтвердить или поправить распределение задач и сроков.

Саша достала очередной деловой костюм и положила на кровать. Мало кто понимал — зачем она их носит. А ей нравилось. Нравилась строгость пиджаков и женственность юбок. Она словно надевала свой личный бронежилет, который защищал её от внешнего мира. От нападок, от любых слов. Костюмы спасали её, беря удар на себя. Обезличивали, не давая поводов для оскорблений и нападок. Иногда она надевала brutальные ботинки на плоской подошве, но чаще, как сегодня — строгие туфли на высоком каблуке.

Но самое главное — своими костюмами она показывала «отсутствие бунта». Не тратя время на доказательство того, что она по-деловому собрана и исполнительна. Это было принятие внешних атрибутов для получения внутренней свободы действий. «Играй по правилам, чтобы изменить игру».

Эффективнее было надеть костюм и с первого мгновения показать «я буду соблюдать дедлайны», «я буду работать», «я буду надежным партнером». Девушка ещё в детстве поняла — проще сразу показать, чем потом долго доказывать. Не тратить ресурсы на пустые разговоры и объяснения. Сохранить силы для чего-то более важного. Она бережно прятала свое я под надежным слоем чужих ожиданий. Костюм был её личным мощным орудием, которое видели и не лезли к

ней в душу. Она искренне не понимала, зачем тратить силы на убеждение, если визуальный сигнал делает это за тебя?

Однако она носила именно юбки. Длинные, обтягивающие, скрывающие колени. Давно поняв, что в «мужском» мире, проще отвлечь внимание на линию бедра на юбке и управлять этим вниманием как ей будет нужно. Каждая деталь была четко выверенным стратегическим расчетом её подсознания. Но она не задумывалась об этом. Найдя однажды удачную линию поведения, девушка лишь использовала максимально возможные ресурсы.

Ткань костюма — плотная, чуть прохладная. Она напоминала ей не об одежде, а о надежных стенах, между которыми можно, наконец почувствовать уверенность и даже безопасность.

Саша неторопливо оделась и собралась. В том числе собрала все вещи и упаковала в чемоданы. Их должны будут забрать и увезти в её новое жилище. Трейлер.

Она осмотрела номер, прощаясь. Не было ни сожалений, ни печали. Лишь необходимость проверить, всё ли она собрала.

Но даже растягивая время и неторопливо собираясь — девушка пришла самой первой в офис. Секретарь проводила её в тот же конференц-зал. Саша выбрала место у окна, не за столом. Показывая, что она в праве тут быть, как сценарист, но пока не претендуя на главное место за столом.

Сотрудники начали приходить. Многие знали друг друга и

непринужденно общались. Саша вышла из конференц-зала за кофе к секретарю.

Её накрывала волнение, но внешне это не проявлялось. Лишь отстраненность и холодность. Девушка попросила сварить ей кофе. Идя обратно к конференц-залу, она остановилась. Стеклянная дверь была открыта и оставалось всего пару шагов. Но Саша остановилась за стеклянной перегородкой, наблюдая за присутствующими. Оставалось минут десять до начала собрания. Дениса ещё не было.

Внезапно Саша поймала себя на мысли о том, что она снова представляет, как он стоит сзади. Так близко, что можно снова ощутить его тепло и его запах. Саша едва усмехнулась, медленно вдохнула и начала так же медленно выдыхать, чтобы вернуться в реальность.

Но она вдруг поняла, что это не фантазия. Он стоял прямо за ней, почти прижимаясь. И рассматривал то, на что смотрела она.

— Наблюдаешь за своими марионетками? — вкрадчивый, уверенный, немного нахальный шепот Дениса прозвучал у нее рядом с ухом. Теперь официально Денис Васильевич Никитин — Номер Один её проекта. ЕЁ Номер Один.

Успокоиться. Игнорировать. Он лишь человек. Она будет воплощением идеальной женщины. Такой, какой навязывало ей общество. Такой, какой навязывал ей быть сам Денис. И это знание — какой она должна быть, давало ей свободу. Жуткое ограничение несовместимых требований — ди-

ким образом освобождало. Это была её игра. Её правила. ЕЁ ЖИЗНЬ. И она использует их правила, против них самих.

Одновременно она подумала, что всё-таки он умеет шикарно использовать свой голос, тембр и интонации. Когда хочешь. Почему раньше этого нигде не показывали? И какого черта он хотел?!

— С чего ты взял? — она начала фразу, но поняла, что босс уже пообщался с Денисом.

Саша едва повернула голову в сторону Дениса и улыбнулась снисходительно. Она не будет слабой. Она не позволит ему её сломать! Это она его сломает! Поставит на колени...

— А знаешь... Ты... привыкнешь. Всё будет у нас восхитительно. — её голос прозвучал тихо, вкрадчиво и даже хищно-сексуально. И настолько нахально и самоуверенно, что она даже не узнала себя. Программа «Идеал 2.0» была активирована и запущена в полном объеме.

Денис медленно протянул Саше кружку, которую держал в своей руке.

— Ты просила сварить тебе кофе... у секретаря. Он готов... я принес... тебе...

Девушка опустила взгляд и замерла. Денис протягивал ей белую, ничем не примечательную кружку. Такую же, из каких пили свои напитки остальные, но на этой... была надпись.

«НЕ ВЕРЮ».

Причем надпись была сделана точно так же, как было на-

писано на её сценарии. А это означало... что её Номер Один не только увидел эту надпись, но и... заказал кружку? Специально? Но... зачем?!

Она сама не поняла, как немного развернулась и стояла теперь прямо напротив него. Саша медленно подняла глаза и уверенно посмотрела на Дениса. Едва ухмыляясь, она молчала. Девушка взяла кружку из рук мужчины и сделала медленный глоток.

— Саша... — его голос вдруг прозвучал хрипло.

Её реакция была непонятной для него. Он смотрел ей в глаза и в голове навязчиво бились мысли о том, что сказал Юрий. Его слова, что она делает вид, что ничего не было. А именно, что она игнорирует его грубые и беспощадные слова, вызванные его слабостью. Она тогда, в номере, испугала его. Испугала настолько, что Денис решил нападать. Безжалостно и... трусливо.

Но то, как она сейчас смотрела и говорила — это явно не было игрой. Нельзя НАСТОЛЬКО хорошо сыграть. Мужчина это точно знал! И зная, он словно снова погружался в ураган диссонанса. Она... не помнит? Она была холодна и уверена в себе, а он проживал такую бурю эмоций, что даже голос его подводил!

Сейчас Денис осознавал, как был не прав. И реальной глупостью будет бороться и «останавливать этот поезд». Его друг был прав. Нужно запрыгнуть на подножку и удержаться.

— «Саши» для тебя больше нет. Есть Александра Нико-

лаевна. — её голос продолжал звучать хищно и в то же время отстраненно. Всё её действия сейчас были собирательным образом поведения «Идеала». Жуткого, доведенного до ужасающе выверенного «правильного» поведения. И сейчас она демонстрировала именно это — идеального коллегу, дистанцию, отстраненность и в то же время мягкость. Баланс был чудовищно превосходен. Скромность и наглость. Полное подчинение и сила бульдозера, прущего вперед.

— Но ты сама... И... — Денис явно был растерян, хотя пытался этого не показывать.

— Это было ТВОЕЙ привилегией. Называть меня по имени. А в свете последних новых вводных, о которых ты уже знаешь, я вынуждена отменить это право.

Он бессознательно старался хоть как-то прояснить для себя ситуацию. Одновременно пытаюсь выбить ее из ее защитного кокона, и в то же время не дать ей сорваться. Тело требовало действия, но разум кричал «стой». Это было похоже на ту долю секунды перед спаррингом, когда противник делает неожиданное движение — и ты не знаешь, атаковать или защищаться. Денис протянул руку и коснулся её руки, в которой она держала кружку.

Это была неосознанная, физическая попытка вернуть себе уверенность и власть. Или заставить её нервничать? Но в то же время он понимал, может и лучше — сделать вид, что ничего не было.

Но это было так интимно и естественно. Ведь они уже об-

менивались кружками. Если он уже давал ей кружку, почему не мог взять? Его пальцы запомнили вес той кружки, что он держал в её номере. Сейчас он брал её обратно. Как трофей. Или как ключ от запертой двери.

— Значит... Вы, Александра Николаевна, предпочли забыть всё, что вчера между нами произошло?

Он произносил это осторожно. Прощупывая почву. Исследуя и анализируя её реакцию. Она покорно отдала ему кружку, легко отпустив её и снисходительно улыбаясь. В её улыбке было и покорное подчинение, и власть.

— А что именно было? — её голос прозвучал легко и надменно.

Саша рассматривала его, немного наклонив голову в бок. Она опять ничего не видела. Не «считывала» его. Поэтому придерживалась плана — игнорировать. Это оказалось легче, чем она думала. Словно это была не она, а её более лучшая, более сильная версия. И Саша просто позволила ей быть. Сейчас она начала привыкать к тому, что не может проанализировать его. Да, это был баг в её системе, но единственный. И её система начала адаптироваться, привыкая к новым условиям. У неё была четкая программа поведения, которая могла игнорировать этот дурацкий сбой.

Денис сделал глоток из ее кружки, продолжая смотреть на Сашу, словно заявляя права на её кофе.

— Мы пили кофе... — он хотел сказать: «у тебя в номере», но промолчал.

— Насколько я помню, мы так и не смогли этого сделать. А жаль. Кофе здесь топ.

Денис реально не понимал, что произошло. Либо она была шикарной актрисой, либо она вообще всё забыла? Отказывалась помнить?

Он молча прятался за кружкой, делая небольшие глотки. Ему невероятно захотелось с силой швырнуть эту чертову кружку об стену, чтобы услышать звон разбивающейся керамики и увидеть, наконец, на её лице хоть какую-то эмоцию — даже если это будет страх.

Денис пытался играть в старые игры доминирования, а она уже перешла на другой уровень. Уровень Администратора системы, который позволяет пользователям совершать мелкие действия, не теряя контроля.

— Кстати, приношу свои извинения, что так быстро ушла из офиса. Если у тебя есть необходимость что-то обсудить, можем остаться после собрания.

Он пытался понять, ведь её сценарий — мрачный, тяжёлый, депрессивный, задавливающий напряжением — откуда-то родился в её голове. Откуда? Ощущая, что смотрит в безэмоциональную бездну и бездна в ответ уже всматривалась в него. Он даже ощущал, как его затягивает. Уже затянуло!

Она дождалась, когда он сделает глоток еще раз. Потом коснулась его руки, не отводя взгляда от его глаз. Мгновение и кружка оказалась в её руках. И теперь он смотрел, как она

делает глоток из этой чертовой кружки, глядя прямо ему в глаза.

— Я прочитал правки. Ты... — Он снова споткнулся на обращении «ты», все еще не привыкнув, пытаясь сосредоточиться в этом урагане эмоций. Поэтому продолжил более холодно. — Вы, Александра Николаевна, придумали драматичное обоснование моим татуировкам.

— Это нужно было сделать. Денис... ты же не хочешь тратить по несколько часов на грим, чтобы их скрыть?

Девушка говорила уверенно. Свободно. Она стала пиком абсурда патриархальных требований. Она показывала... отлаживала программу поведения новой себя Денису и миру. Этого уродливого Франкенштейна, собранного из их же предписаний, и этот монстр был неуязвимым, потому что атаковать его — значит атаковать сами основы системы, его же мира. Это не было осознанным поведением. Это было подсознательным решением, интуитивным выбором направления взаимодействия девушки с миром, с обществом, с мужчиной напротив. Её психика нашла самый изощренный способ самозащиты, который уже приносил свои плоды.

— Очень... Практично. — в его голосе прозвучал сарказм. И он снова ощутил эти многотонные жернова, которые она создала сама и которые сейчас с неотвратимостью уничтожали его личность. Где-то глубоко в животном отделе мозга щёлкнуло: «Беги». Но ноги были прикованы к полу. Бежать было некуда. Он сам вломился в эту клетку.

— Можешь не благодарить. — усмехнувшись, она шагнула в сторону дверей конференц-зала.

— Фак! — он едва прошептал про себя, чтобы никто не услышал, вдруг осознав, что это будет самая эмоционально изматывающая работа в его жизни. — Чтоб тебя! Ты хотел психологический триллер?! Ты, мать твою, получил его!

Он шептал сам себе. Его психика не справлялась. Мышцы спины и плеч задеревенели от подавленной ярости, как будто он только что пытался удержать падающую стену. Он едва контролировал себя. Мужчина даже не понял, как это произошло. Что именно произошло. Пытаясь доказать свою власть над девушкой, он добился того, что она бессознательно уничтожила в себе ту часть, над которой он мог иметь власть. Денис даже не понимал, что бороться ему теперь придётся не с девушкой. А с собственным отражением в зеркале собственных же требований.

Саша вошла внутрь, и бросив быстрый взгляд на команду, поняла, что они не обратили на нее внимание. Она судорожно вдохнула побольше воздуха, делая это незаметно. И начала медленно выдыхать, чуть приоткрыв рот... чтобы и этого никто не заметил. Она точно знала, чувствовала, ощущала каждой клеточкой, что Денис где-то сзади, но немного отстал. И у нее было всего мгновение, чтобы прийти в себя. Саша незаметно для всех прошла снова к окну и повернулась лицом к дверям.

Денис наблюдал, как она вошла в зал и быстро прошел за

ней.

В его голове был сумбур, и он даже не сразу понял, что она прошла не за стол, а отошла в сторону, к окну.

— Коллеги. Приветствую всех! — он мгновенно и привычно взял на себя роль лидера, поскольку должность продюсера обязывала им быть. Его быстрое перевоплощение было нормой на площадке, а сейчас сработало как защитный механизм.

С ним начали здороваться и спрашивать, почему совещание проводится сейчас, ведь ещё не была назначена главная фигура — режиссер проекта. Смысл было собираться, ведь ключевые решения должен был принять именно он?

Денис перевел взгляд на Сашу. Делая очередной глоток из своей кружки, глядя ему в глаза, она улыбалась. Снова, чтоб её, снисходительно! Вслушиваясь в шутивно возмутительные высказывания о том, что нет смысла собираться сейчас, она никак не реагировала.

Пытаясь сориентироваться, мужчина быстро обдумывал, что должен сказать, а чего не должен. Она явно издевалась над ним или проверяла. Опять проверяла!

Он должен был сейчас принимать решение. Или дать управлять ситуацией ей. Подчиниться, быть марионеткой или стать главным. Время для него словно остановилось. Это был решающий момент, когда Денис мог показать какую роль в процессе производства он хочет или может получить. Её молчаливая отстраненность давала ему проявить

свое мужское эго. И он пытался понять — это подачка или проявление уважения?

Но в любом случае она оставалась кукловодом, снисходительно наблюдавшим за своими марионетками. И он был её главной игрушкой. Он продолжал непринужденно улыбаться и сохранять видимость контроля ситуации. Она, чтоб ее, выиграла в любом случае!

— Коллеги. Спокойно. Всё в графике. Позвольте сначала представиться мне, кто ещё не в курсе. — очень уверенно он кивнул новым, незнакомым лицам, присутствующим в зале.

— Денис Никитин. Моей персоне доверено стать Номером Один этого проекта. — ему пришлось прерваться и поблагодарить, потому что многие начали поздравлять Дениса.

— Спасибо. И я тоже очень рад. Итак. Я ваш Номер Один и продюсер по совместительству, это означает: не стесняйтесь, обращайтесь с вопросами. Со всеми вопросами. Предлагаю предупреждать события, а не исправлять их. И поэтому, предвосхищая главный вопрос, перейдем к первому пункту.

Тон Дениса был уверенным и покровительственным. Саша вслушивалась в его слова, в его голос и наслаждалась им, но одновременно понимала — ей придется приложить усилия, чтобы взять управление в свои руки. Чтобы забрать себе эту власть, этот контроль и поддержку присутствующих. Но как она забрала кружку, точно так же она заберет внимание этих людей. Она обязана это сделать!

— Руководство уже согласовало кандидатуру режиссера. — Денис непринужденно повернулся к Саше. — Позвольте вам представить Александру Николаевну Валл. Нашего талантливейшего сценариста, повелителя душ и эмоций, продюсера и Её величество Режиссера этого проекта.

Саша мгновение молчала, глядя на него и ощущая, как все смотрят на неё. Ощущая себя маленькой, она твердила себе: «Не бойся... Не думай... Никто не будет диктовать тебе условия!»

Присутствующие начали перешептываться. И явно не очень-то одобчительно.

— Спасибо Денис, за столь эпичное представление моей скромной персоны. — Саша, продолжая держать кружку в руке, медленно делала шаги к центру стола, где стоял Денис. — Хотя для более масштабного представления не хватает... что-то типа... «Огнерождённой», Первой в своем имени, Повелительницы этого проекта и других вселенных... и наконец — Архитектора реальности?

В полной тишине некоторые сотрудники начали посмеиваться. Денис ощутил, как и остальные, что эти образы — удивительно ей подходили.

— В следующий раз, Александра Николаевна, именно так и буду Вас представлять.

Денис не хотел, но вынужден был признать, что она перехватила его слова и обратила их против него. Поэтому в его тоне зазвучали откровенные ноты сарказма. Однако, он

ощущал и дикое восхищение. Редко кто мог так мощно реагировать, парируя и обезоруживая.

Легко и непринужденно она протянула ему свою кружку, которую он машинально взял и отступил в сторону. Его отчасти покорибил этот жест. Она, словно своему мальчику на побегушках, отдала СВОЮ вещь на хранение. Так элегантно и одновременно надменно. Её не смущало это чертово «НЕ ВЕРЮ». Наоборот! Саша демонстрировала, что не верит ни единой манипуляции Дениса. И не принимает их.

Саша проигнорировала его последнее высказывание, переводя взгляд на присутствующих. Её анализ коллег снова сработал мгновенно:

#Глаза — внимательные, заинтересованные взгляды всех.

#Рот — кто-то широко улыбался, кто-то едва демонстрировал улыбку.

#Руки — расслабленные, уверенные жесты.

Денис стоял сзади, чуть в стороне и нахально поднес её кружку к губам. Кофе оставалось буквально на два глотка. И он сделал первый, с каким-то извращенным удовольствием смакуя напиток.

— Очевидно, что все заметили надпись на моей новой кружке... — девушка едва заметно усмехнулась, глядя как все перевели взгляд на кружку, из которой сейчас пытался сделать глоток Денис. — Поскольку наш Первый Номер решил, что мой проект заслуживает высокого уровня критичной оценки... и в целом высоких стандартов, в том числе и

по системе Станиславского, то может надо было заказать не одну кружку, а всей команде?

Ощущая как все на него смотрят, Денис медленно убрал от лица кружку. Надпись на кружке была видна всем. Саша медленно перевела взгляд на Дениса.

— Вообще то... я и заказал коробку... чтоб наверняка. — Денис говорил с долей растерянности и некоторой ярости. Держа кружку в руках. — Она в приемной у секретаря.

— А что на счет футболок и худи? Может и их закажешь? — в словах Саши прозвучала явная усмешка, но она тут же продолжила очень серьезно. — Но давайте по делу. Должна сказать, что тоже очень рада, что Денис стал нашим Номером Один. И полностью согласна с вашим одобрением его кандидатуры. Что же на счет меня, вашего режиссера... — Саша сделала небольшую паузу, снова уверенно глядя на такие чужие и снова серьезные лица.

— Все присутствующие, вне всякого сомнения, лучшие профессионалы своего дела. И вы, каждый из вас, точно знаете, что нет единой формулы успеха проекта. Лучший режиссер может снять откровенное дерьмо, и лучшая идея может стать абсолютно провальной.

Его удивляла её уверенность. Саша не пряталась и не сбегала. Она стояла прямо перед огромным столом для совещаний и владела вниманием всех. Её очень внимательно слушали. Её слова были уверенные, выверенные, заставляющие присутствующих объединиться ради одной цели. Он сделал

последний глоток, снисходительно показывая, что он может это сделать. Продолжая держать кружку в руках, словно талисман.

— Каждый из вас уже должен был ознакомиться с материалом и сделать для себя вывод, стоит в этом проекте участвовать или нет. Раз вы здесь — вывод очевиден. Вы поддерживаете материал. Вы видите возможности, перспективу и потенциал. Но я понимаю ваши сомнения на счет меня. Вы можете верить или не верить в меня. Это не важно. Эта надпись... «не верю»... для меня она означает одно: я не верю, что вы не способны на большее. Способны. Я верю в вас. Верю в ваш профессионализм и желание сделать что-то большее, что-то лучшее. Что-то настолько грандиозное, что это останется... в Вечности. Я искренне верю, что результат вашей работы заставит зрителя испытать шквал эмоций. И поддерживаю Дениса, в том, что любой вопрос. Любая ситуация, которая может возникнуть. Днём или ночью. Лучше предвосхитить, чем разгребать последствия. Согласны?

Денис наблюдал, как недоверие коллег сменилось одобрением. Пока едва заметным, но для новичка, как Саша — это было мощным началом.

И Саша видела и ощущала, многие одобряюще кивают — конечно не так радостно, как Денису, но уже не так осуждающе, как когда только слышали о ее назначении.

— Тогда приступим к текущим вопросам. — девушка попыталась повернуться в поисках стула.

Денис тут же поставил кружку на стол и взялся за спинку стула, придвигая его к Саше, чтобы она села.

Присутствующие стали устраиваться удобнее, кто-то потянулся к телефону, кто-то к бумагам, настраиваясь на рабочий процесс.

Видя это, придерживая ее стул, чтобы она села, он склонился на одно короткое мгновение и восторженно, но едва слышно прошептал ей прямо на ушко:

— Умничка!

В одном слове он уместил всю бурю своего сознания.

Сердце Саши бешено забилося. Едва повернув к нему голову, она кивнула Денису, словно это что-то совершенно обычное. Всего одно короткое мгновение они смотрели друг на друга. И оба видели расширенные зрачки друг друга, которые были предательски большими.

С каждым разом, с каждым взглядом их взаимодействие увеличивалось как снежный ком, набирая обороты на склоне. Хотя точнее, это уже была снежная лавина, которая скоро могла похоронить их под многотонной толщей снега. И оба ощущали это. Ничем хорошим это не закончится!

Он быстро отвел взгляд, словно ничего не говорил. Это было странно, но он не мог вынести ее взгляд. Не после того, что он наговорил в ее номере отеля. И Денис быстро отступил, усаживаясь за стол рядом.

Она не понимала — зачем он похвалил ее? Видел в ней девочку, которой требуется одобрение? Пытался унижить?

Как Саше управлять им, если на самом деле он не будет воспринимать её всерьез? Надо было сделать своего персонажа младше! Тогда не было бы этих проблем... Она даже не осознала, что его взгляд изменился. Что его зрачки увеличились. А Денис непринужденно кому-то улыбался и что-то отвечал.

Ей было неприятно от этого его «умничка». Если он думает, что она позволит ему вести себя с ней как с маленькой девочкой — он ошибается!

Пытаясь успокоить бешено подскочивший пульс, она посмотрела на пустую кружку на столе перед собой. Подняв глаза, она заметила секретаря в дальнем углу и показала жестом, что нужна еще кружка кофе.

Неожиданно рабочий процесс начался как-то непринужденно и необременительно. Все действительно знали свое дело и демонстрировали Саше молчаливое согласие — быть главной. И она выслушивала доклады, пояснения, запросы, по итогу принимая те или иные решения. Всё получалось неожиданно комфортно.

Кастинг-директор говорила о планах и очередности прослушиваний. С одним из помощников они одновременно пытались сопоставить график осмотра локаций. Саша даже не ожидала, что диалог будет таким конструктивным и продуктивным.

Вот только эта чертова кружка!

Секретарь незаметно зашла в разгар обсуждений и осто-

рожно поставила очередную кружку рядом с Сашей. Еще одну. Кажется, уже третью по счету. На стол, точно посередине между Сашей и Денисом. Девушка улыбнулась и перевела взгляд, чтобы поблагодарить секретаря. В этот момент Денис уверенно взял кружку со стола.

Чертова, чертова кружка!

Саша заметила это движение, улыбка исчезла с её губ, и она посмотрела на Дениса, который подносил кружку к своим губам.

Он замер, глядя на нее, не решаясь сделать глоток. Осознавая, что это не его кружка. Что это ЕЁ кружка! Мужчина не понимал, почему не может сделать хотя бы один глоток. Он не понимал, что его держит. Не может — и всё. Рука с кружкой зависла в воздухе, будто наткнулась на невидимый барьер, в сантиметрах от губ. Мозг выдавал чёткую команду: «Сделай глоток. Докажи, что это просто кофе. Что ты здесь хозяин положения.» Но какая-то древняя, рептильная часть сознания рычала: «Это её территория. Ты вторгаешься.» Он, Денис Никитин, боится чашки? Или её обжигающе ледяного взгляда?

Она не могла отвести взгляд и понимала, что нужно срочно это сделать. Срочно перестать на него смотреть! Она пыталась хоть немного понять его мысли, мотивы, поступки и не могла!

— Александра Николаевна? — голос помощника выдернул из этого тупика, и Саша быстро повернулась, посмотрев

на говорящего.

— Да? Петр? — она едва улыбнулась, стараясь сосредоточиться на собеседнике. Испытывая огромное облегчение.

— По набережной. Есть на выбор три локации. Плюсы и минусы скину вам на электронку, но по одному из вариантов надо принять решение в ближайшие два дня, иначе мы не успеем пройти все согласования в администрации на использование локации.

Как только Саша отвела взгляд, он поставил кружку обратно на стол. Поставил тихо, аккуратно, медленно, отчетливо ощущая, как хочет швырнуть эту кружку и разбить вдребезги. Денис не понимал, в какой момент простая кружка кофе превратилась в тест на адекватность.

В какой-то момент эти дурацкие мелочи стали такими тяжелыми акцентами какой-то сюрреалистичной драме, оглушающем абсурде, что он не выдержал и встал. Ему нужно было выйти, пока он не разнес всю эту стеклянную клетку вместе с Её ледяными взглядами и дурацкими кружками!

— Прошу прощения, я должен выйти на пару минут. — произнося это непринужденно и негромко, он пытался не прервать рабочий процесс, но при этом сбежать. Хотя на пару минут. Для поддержания иллюзии, он даже достал телефон из кармана и бросил быстрый взгляд на экран, словно ему нужно было сделать важный звонок.

Сделав шаг от стола, Денис вдруг резко вернулся назад, немного наклонился вперед прямо рядом с плечом Саши, за-

брал эту дурацкую кружку со стола и прошептал:

— Извини.

Саша смотрела, как он берет кружку, но не реагировала, понимая, что готова взорваться от эмоций. Но его тон был искренне извиняющийся? И анализируя, она понимала — он так и не сделал ни одного глотка из кружки. Девушка не стала повторять снова этой ошибки — и не стала смотреть на него. Просто слушала помощника, глядя перед собой на стол, едва кивая в ответ на слова Петра и... Дениса.

Чертова, чертова кружка!

Денис вышел из зала. Саша перевела взгляд на помощника, продолжавшего говорить о локации. Одновременно девушка видела, как Денис идет вдоль конференц-зала, за стеклянной стеной, и передает эту самую кружку секретарю.

Он что-то говорил и кивал. Саше было видно через стеклянную стену, как он поблагодарил и скрылся в коридоре. Ей хотелось понять, проанализировать — что вообще происходит, но необходимость вести совещание не давало сейчас такой возможности.

А спустя пару минут секретарь принесла две кружки кофе и поставила их на стол между Сашей и пустующим местом Дениса. Она смотрела на две кружки рядом с собой и ощущала эту легкость и гениальность такого простого действия. Всего-то нужно было ДВЕ кружки. Саша едва улыбнулась. Это не было поражением, не было попыткой унижить ее. Это было признанием. «Есть ты и я. Мы работаем вместе.»

Поняв его жест — она продолжала не понимать его.

Мужчина стоял один в небольшом туалете и смотрел на себя в зеркало. Его мучал этот диссонанс всего, что происходило. И зачем он вообще заказал эту дурацкую кружку с этой надписью?! Хотел унизить ее! Мало ему было?!

Концентрация на абсурдных мелочах типа этой дурацкой кружки. И её прикосновения. Она так легко отдала ему кружку в коридоре и буквально ошпарила ледяным взглядом, когда он попытался взять кружку в зале. Однако он понимал реакцию девушки. Понимал, почему вызвал ее ледяной взгляд.

Он снова и снова проигрывал этот момент в своей голове. Он не должен был. Но его рука бессознательно потянулась к этой чертовой кружке. Ведь кружка была ОДНА на двоих. Это уже въелось в подсознание, перегруженное эмоциями. Эта девушка буквально сводила его с ума.

— Почему ты взял эту чертову кружку? ЕЁ кружку?

«Потому, что ты уже считаешь её своей. И её кружку и её саму...»

Денис вдруг едва улыбнулся. Как всё стало бы просто, если бы это был просто секс!

Его отражение в зеркале неожиданно хищно улыбнулось в ответ. И воображение уже рисовало сидящую перед ним Сашу. Он смотрел на себя в зеркало, видел свое лицо в отражении, спину девушки, сидящей перед его отражением. Его двойник хищно целовал шею Саши, которая подставля-

ла шею, прижимаясь к нему всем телом. Он видел ее широко раздвинутые ноги перед его отражением, видел задранную юбку и расстёгнутую блузку.

Всем этим, всей ЕЮ уже владело его отражение в зеркале.

«Просто трахни ее. У тебя же почти получилось в отеле. Она же хочет этого. Она САМА предлагала тебе это!» — он слышал СВОЙ голос, видел, как САМ властно прижимает к себе ее тело.

Он видел, как его пальцы в отражении отодвигают ворот ее блузки и его ладонь спускается вниз по ее спине, ведя кончиками пальцев по обнаженной коже.

«Сними стресс. Свой и её! Это проще, чем кажется! Ты же видишь ее напряжение...» — отражение внимательно смотрело на него, продолжая нахально улыбаться и ласкать ее тело. Его отражение коснулось рукой ее колена и Денис смотрел, тяжело дыша, как собственная ладонь движется вверх по ее ноге и... исчезает у нее между ног.

«Посмотри, как она тебя хочет. Просто трахни её. Доставь удовольствие обоим.»

Девушка в зеркале едва выгнулась, запрокинув голову вверх. Явно испытывая удовольствие.

— Да чтоб тебя! Черт! Если бы это ДЕЙСТВИТЕЛЬНО так работало! — Он даже не понял, как он прокричал это своему отражению. Или злобно прошипел? Ему хотелось разбить зеркало, настолько эта картинка была ясной и четкой. Насколько мрачной и возбуждающей.

Но он лишь быстро включил воду, наклонился над раковиной, закрыл глаза и зачерпнув воды, умыл лицо... не в силах больше смотреть на себя в зеркало.

— Коллеги, предлагаю сделать небольшой перерыв.

Все согласно закивали в ответ, и Саша встала, стараясь быть непринужденной. Быстро выйдя из зала, она подошла к секретарю и уточнила, где здесь туалет. Уже спустя минуту она стояла около закрытой двери. Вдруг повинувшись странному порыву, она коснулась дверной ручки, потянула ее и, неожиданно для себя, открыла ее.

Перед раковиной, в небольшом туалете, стоял Денис. Наклонившись к раковине и закрыв ладонями лицо. Видно было, что он пытался умыться.

Мужчина резко распрямылся, а Саша быстро вошла внутрь и закрыла за собой двери.

— Слушай. Это уже абсурдно. — ее голос звучал уверенно, требовательно и странно легко. — Денис... Ты же профессионал. Что с тобой?

— Ничего. — голос Дениса вдруг прозвучал оглушительно хрипло. Его почти трясло, бросало в жар, и он едва мог адекватно оценивать происходящее. Он только что представлял эту девушку и вдруг она появляется прямо здесь. Разрушая все границы.

Саша смотрела на него, едва нахмурившись, действительно не понимая его поведения и реакций. Зачем было спрашивать у секретаря ДВЕ кружки кофе и сбегать в туалет?

— Нет. Это явно какой-то детский сад. Так работать будет невозможно.

— Серьезно? Ты... Вы только сейчас это поняли, Александра Николаевна? — его голос прозвучал саркастично и надменно. Медленно он шагнул вперед к Саше, неосознанно пытаясь нарушить ее зону комфорта.

— Да. Сейчас. Четко и ясно.

Близость к Денису сначала отпугнула Сашу, но уже полностью погрузившись в рабочий процесс, она не отступила. И ему пришлось остановиться. Он так и остался нависать над ней. Но девушка не сдавалась.

— Денис. — она произнесла это так искренне, намного тише. — Мне нужна твоя помощь. Я прекрасно осознаю это. Я не справлюсь одна. Я говорила «не надо». Но ты сам хотел участвовать. Сам настоял. Ты вломился в мой проект, вынудил работать с тобой. А теперь твое поведение неадекватно. Перестань вести себя как ребенок и давай работать. Или объясни мне чего ты хочешь от меня? Я не понимаю. Я правда не понимаю... Что мешает тебе принять меня? Чего ты на самом деле хочешь?

Он сжал челюсть. Он слышал в своей голове громко и четко свой собственный голос с хищными интонациями своего отражения в зеркале: «Тебя. Я. Хочу. ТЕБЯ.».

Но ей он не ответил.

Она стояла так близко. Они опять были в замкнутом пространстве. Ему даже представлять уже ничего не надо бы-

ло — он УЖЕ ощущал, как усаживает её перед зеркалом на большую столешницу у раковины и берет её.

Саша, глядя ему в глаза, подняла руку и почти коснулась его груди. Там, где должна быть татуировка под одеждой. Но Денис быстро схватил ее за руку, не давая прикоснуться. Его реакция была настолько быстрой и мгновенной, что девушка замерла, но продолжала смотреть прямо ему в глаза.

— Ты боишься простого прикосновения? Seriously? — она пыталась рассмотреть, что она самом деле творится у него внутри, но видела лишь какой-то остекленевший взгляд.

Денис молчал и сжимал ее запястье. Сжимал слишком сильно, не осознавая, насколько Саше больно. Но она не двигалась. Не отводила взгляд. Продолжая пытаться понять наконец — что там внутри, за этой бездонной черной дырой.

— Чего ты боишься? Меня? — ее голос прозвучал тише. Он молчал, не в силах хоть что-то ответить. И вдруг... отпустил ее руку, осторожно положив себе на грудь ее ладошку.

Саша не пыталась флиртовать или заигрывать — это было попыткой достучаться до него. Она реально не понимала в чем дело, а он молчал. Она ощущала под рукой, как быстро бьется его сердце, как тяжело он дышит. Но сама старалась дышать медленно, словно задавая ему темп.

— Денис... пожалуйста. Я стараюсь. Очень стараюсь. Я подстраиваюсь под ТЕБЯ. Разве ты не видишь?

Ее слова звучали медленно, уверенно и негромко. Саша искренне смотрела на него. Денис рассматривал ее и совсем перестал что-либо понимать. И он не понял, как стал дышать спокойнее, медленнее. Ее слова были исключительно словами коллеги, пытающегося решить проблему деловых отношений. Именно деловых.

— Ты хотел эту роль, я вношу правки под тебя. Зачем всё это, если мы сами будем вставлять палки себе в колеса? Тебе нужен результат? Если да, то соберись. Прошу тебя!

Она словно пыталась достучаться до его внутреннего Я, продолжая едва касаться рукой. Но даже через одежду — он чувствовал ее холодную ладонь. И он продолжал нависать над ней, чисто физически. Неосознанно, как скала над рекой.

— Ты права... Вы правы Александра Николаевна, это действительно не профессионально. — его голос прозвучал тихо и хрипло.

Ему всё еще хотелось сейчас прикоснуться к ней, провести рукой по ее спине, чтобы она не оттолкнула его. Не испугалась. И понимал, насколько его желание сейчас абсурдно и глупо! Это лишь животные инстинкты. Ничего более. Он стоял, нависая, пытаясь заставить себя сдержаться. Но с каждым вдохом — держать себя в руках становилось все легче.

Они несколько мгновений просто стояли, глядя друг на друга. Внимательно изучая друг друга и не находя ответы.

Ее не смущало, что он пытался давить на нее. Точнее Са-

ша проигнорировала эту попытку доминирования. Как и то, что он так сильно сжал ее запястье. Но ведь он отпустил! Она должна была поставить его на место. Вернуть в рабочий процесс. И у нее это получилось. Она чувствовала, как его дыхание почти пришло в норму.

— Принято. У тебя десять минут прийти в себя. А после, возвращайся к работе. — Саша едва улыбнулась Денису и вышла из туалета.

Саша вернулась в зал для совещаний, часть коллег отсутствовала. Она не стала садиться, решив немного постоять, разминая ноги. Её что-то спросили по проекту, и она ответила. Почему-то было легко и непринужденно. Один из коллег решил рассказать забавную ситуацию в тему вопроса. И девушка увлеченно слушала.

Денис остался в туалете один. Он снова и снова обдумывал ее слова, бессознательно снова глядя на себя в зеркало. ВСЕ ее слова были жуткими противоречиями. Она яростно кричала о том, что слабая. Целовала его, а потом презрительно отталкивала. Уничтожала его личность и просила об адекватности. Это ОНА вломилась в его жизнь настоящим ураганом и говорила, что он — этот самый ураган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.